

А. Е. Ермилов

Л. Е. Ермилов

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ТРАВА-МУРАВА

СКАЗЪ И ВЕЛИЧАНІЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ въ БЕРЛИНѢ

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ Е. А. ГУТОВА
BERLIN S 14, DRESDNERSTRASSE 82-83

ПОСВЯЩАЮ
С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

Анне Ремизовой

СВЯТѢЙШАЯ ВЕЛИКАЯ БОЖІЯ ЦЕРКОВЬ
СОФІЯ ПРЕМУДРОСТЬ, ПРИСНОСУЩНОЕ
СЛОВО

SANCTA SOPHIA

Богомъ богатая Божія святая Софія!

Тихо и ясно горѣ у твоего золотого не-
объятнаго терема и, какъ въ небесахъ,
колыбаются тихія звѣзды — лампы се-
ребряныя. А вдоль воздушныхъ уболовъ рай-
ская яблонь развѣтвилась золотыми плодами.
А тамъ, подъ мраморнымъ дномъ, сладкія воды
текутъ —

kyrie eleison!

Надъ святою трапезой на ея средѣ Констан-
тиновъ вѣнецъ, крестъ и голубъ златъ подъ
крестомъ, и иныхъ царей вѣнцы округъ сѣни,
и тридцать малыхъ вѣнцовъ у поволочитой за-
вѣсы — цѣна неоцѣннаго въ память и неза-
бытіе людемъ.

Ночью свѣтитъ самоувѣтный камень съ надвратной стѣны изъ чела, отъ Спаса Великаго, и на красныхъ полатахъ всю ночь, пока не заклеплютъ къ заутрени въ било, бѣлыя сестры — діакониссы великой церкви неусыпно стоятъ на молитвѣ о мирѣ за весь міръ —

Какія подснежныя — бобіевыя листья !
Какія бѣлыя — бѣло-алый трояндофиловый
цвѣтъ !

И кто это градарь насадилъ твой семивратный садъ ? Кто пославилъ тебя ? Кто стережетъ ?

— А видишь, налѣво вверху три оконца — три иконы стоятъ, тамъ по всѣ дни ангель Господень. И пока стоитъ святая Софія, не уйдетъ онъ съ мѣста сего. Такъ клялся ангель Господень невѣдомымъ именемъ первымъ — святою Софіей. Ангель Господень далъ имя, ангель Господень и стражъ.

Чудно и красно, и какъ солнце, сіяютъ иконы, и алойный облакъ бѣлыхъ кадильницъ синѣетъ между столпами зелена камени съ прочернью.

Тамъ, на мѣстѣ царскомъ, гдѣ мраморъ багрянъ, видѣли ночью : молилась Богородица. Тамъ, въ заалтарномъ притворѣ, гдѣ гроба Господня доска, и посохъ желѣзень, и крестныя

свердлы и пилы, тамъ у камня — на немъ сидѣлъ Христось, говоря съ Самарянкой, — слышали голосъ : „Дай мнѣ воды пити!“

И я, пришедшій съ моею любимою чадью отъ святого Мамы, витанія русскихъ, я видѣлъ у великаго алтаря на серебряномъ амвонѣ Романа: пѣлъ сладкопѣвецъ величальныя пѣсни, славиль Всепѣтую, Всенепорочную, Всеблаженную, Дѣву Обрадованную, Матерь Свѣта.

И духъ святой наполнилъ намъ душу и сердце, и мы не знали, на небѣ мы, ли на землѣ.

Слава Премудрости !
Слава создавой домъ свой !

1915 г.

ИМЯ И СТРАЖЪ

Вдохнулъ Богъ въ умъ царю Іустиніану со-
здать святую церковь.

И отъ Адама не было такой создано церкви и нѣтъ на землѣ такого вида и красоты такой — святая Божія великая церковь, святая Софія Премудрость.

По числу дней года триста и шестьдесятъ пять придѣловъ и на каждый день празднику служба, три тысячи поповъ служило въ великой церкви и круглый годъ, какъ на цвѣтной пасхальной недѣлѣ, видимо всѣмъ и открыто, иконостаса не заводили и колоколовъ не знали, — въ колоколь испоконъ звонятъ латыни, — а держали въ великой церкви по ангелову ученію било : къ службѣ въ било и клепали.

Двѣнадцать евангеліевъ одесную и двѣнадцать евангеліевъ ошуюю стояли на высококомъ мѣстѣ по-ряду, золотыя, дорогими камнями свѣтили,

— и свѣтилъ ихъ свѣтъ въ ночи, какъ звѣзд-
ный —

и тьма его не объяла.

Въ великомъ алтарѣ хранили столъ, — на ко-
торомъ столъ въ великій четвергъ вечерялъ
Христось со ученики своими, и въ великомъ
алтарѣ хранились сосуды — дароносивые златы,
ихъ цари-волхвы принесли въ даръ Младенцу-
Христу въ пещеру по звѣздѣ съ востока, хра-
нилось и Ольжино блюдо, Ольги княгини рус-
ской, алымъ полунощнымъ жемчугомъ убрано,
когда взяла дань, ходивши ко Царюграду, и
висѣли въ заалтарномъ притворѣ четыре мѣд-
ныя трубы ерихонскія въ образъ ангельскихъ
трубъ, когда пали стѣны Ерихона.

А строили церковь пять лѣтъ, одиннадцать
мѣсяцевъ и десять дней, а строилъ Анѳемій
строитель изъ города Траллеса съ товарищемъ
землякомъ Исидоромъ изъ Милета, и было подъ
ними народа десять тысячъ: по пяти тысячъ
на руку. А за десятника былъ Игнатій Нѣпро-
вичъ, — великъ челоувѣкъ, трижды изъ Кіева
въ Іерусалимъ пѣшъ ходилъ!

Освященную вербу — лозу Перунову по ца-
реву видѣнію клали въ ячменный варъ съ из-
вестью крѣпости ради великихъ стѣнъ.

Изъ царскихъ палатъ сдѣланъ былъ ходъ на
лѣса, и всякій день, лѣто и зиму, царь въ

платѣъ нецарскомъ навѣдывался на постройку. Снились царю вѣщіе сны, какъ строить храмъ, и любилъ царь съ мастерами думой дѣлиться — въ день субботній и въ праздникъ созывалъ царь мастеровъ на бесѣду въ царскія палаты.

Третій годъ кончался, высоко поднялись стѣны и не нахвалится царь мастерами, и лишь одна у царя забота: вѣ-имя, — какое дать имя великой церкви?

А былъ у Игнатя десятника сынъ, Петромъ звали, мальчонка до всего смышленный. И какъ, бывало, выйдетъ отецъ на постройку, и Петька увяжется, и ходить день за отцомъ по лѣсамъ, лазаетъ вездѣ: тоже распорядокъ провѣрять. А то, глядя на старшихъ, помогать примется: то кирпичъ тащить, то у скуделей возится. И такая была у него лопаточка маленькая и на этой лопаточкѣ бѣличьей кисточкой меленько написана была великая церковь, какая она будетъ, — Анѳемій строитель, балуя мальчонку, самъ Анѳемій эту лопаточку ему сдѣлалъ. И топорикъ у Петьки свой былъ, серебряный — царскій подарокъ: „въ день ангела отъ царя Іустіана“. Вотъ съ лопаточкой да съ топорикомъ царскимъ всюду и поспѣвалъ мальчонка. И рабочіе его очень любили: съ дитемъ смышленнымъ и работа шла ходчѣе, да и весело — за три-то года, примѣтливый, перенялъ маль-

чонка всякія хитрости мастеровыя, и какъ приметя мастерить на свой страхъ, ну, такъ старается, — ну, какъ тутъ не весело!

Царь Игнатья десятника жаловаль: вѣрный былъ царю челоуѣкъ Игнатій Нѣпровичъ и божественный, — трижды изъ Кіева въ Іерусалимъ пѣшъ ходилъ! А ужъ въ мальчонкѣ царь просто души не чаялъ. И вездѣ-то, бывало, съ собой по всей постройкѣ водить. Навезутъ ли какихъ сокровищъ, а везли ихъ со всѣхъ концовъ, даже изъ самага Рима, и первымъ дѣломъ, конечно, царю на показъ, а съ царемъ и Пѣтушокъ. И, бывало, начнетъ царь Пѣтушку толковать, что и откуда, и гдѣ какіе столпы стояли, въ какой божницѣ и у какихъ капищъ, такъ слова не проронитъ мальчонка, и послѣ такъ всѣмъ разскажетъ, словно бы и самъ тамъ бывалъ, на всѣхъ концахъ и даже въ самомъ Римѣ.

Самъ царь и Пѣтушкомъ Петьку прозваль за эту его такую отчетность.

— Вотъ, Пѣтушокъ, — скажетъ другой разъ царь, приласкаетъ мальчонку, — дасть Богъ, окончимъ церковь, и такая она у насъ выйдетъ, куда твой храмъ Соломоновъ. Мы съ тобой, Пѣтушокъ, побѣдимъ самого царя Соломона!

— Побѣдимъ! — отвѣтитъ, и такъ глаза загорятся — пѣтушки-огонечки, какъ звѣздные: еще-бъ не побѣдить!

И случилось однажды, въ день субботній позвалъ царь къ себѣ мастеровъ на объѣдъ. А за мастерами, пошавшивъ, разошлись и рабочіе. И остался на стѣнѣ одинъ Пѣтушокъ: отецъ оставилъ его за караульщика стеречь скудель, да корыта, да орудія каменносѣчныя, и наказалъ крѣпко никуда не отлучаться. На Пѣтушка все можно было оставить.

Походилъ Пѣтушокъ съ лопаточкой своей по стѣнѣ, постучалъ топорикомъ, забрался тамъ на самую верхушку. Далеко ему было видно по зарѣ по вечерней — весь Воспоръ горѣлъ золотой до Русскаго моря, и златорогіи Суды огоньками рябилъ золото-красными, золото-синими и зелеными до святого Мамы и за Мамонтову церковь до самыхъ роговъ, гдѣ святая Анна дѣвица въ-тѣлѣ лежитъ, какъ жива, и плыли корабли алые вдоль берега по морю Мраморному мимо Яблоновыхъ воротъ отъ Одигитрии, уносили съ собой зарю — —

Присѣлъ Пѣтушокъ на вышку и сталъ ждать мѣсяца.

Не мѣсяць, отрокъ въ бѣломъ, какъ царевъ вѣстникъ, весь бѣлый, сталъ передъ нимъ.

— Здравствуй, Пѣтушокъ! — и алой зарей засвѣтился ликъ.

— Здравствуйте!

— А гдѣ же отецъ? Гдѣ мастера?

— У царя объѣдаютъ.

— Какъ же такъ можно! Оставить Божіе дѣло? Иди сейчасъ, позови ихъ.

— Сами скоро вернутся.

— Ни часа, ни минуты нельзя медлить. Иди и скажи!

— Никакъ не могу: я караульщикъ.

— Иди, говорю! — и два бѣлыхъ крыла сверкнули, какъ снѣгъ, и отъ лица дунуль огонь: — клянусь святою Софіей, именемъ созидаемой великой церкви, не уйду отсюда, пока не вернешься. Я посланъ отъ Бога быть здѣсь на стражѣ.

Обѣдъ у царя давно кончился, сидѣли мастера въ царскихъ палатахъ съ царемъ вокругъ стола, думали сообща — одна забота, одинъ разговоръ.

Царь рассказывалъ свой сонъ: шель онъ будто отъ русскихъ Золотыхъ воротъ русскимъ уболомъ и видитъ, надъ великой стѣной поверхъ лѣсовъ въ великомъ свѣтѣ юношъ на престолѣ вельми крылатый въ бѣломъ саккосѣ съ омофоромъ, на головѣ царскій вѣнецъ, въ рукахъ жезло и свитокъ, а посторонь его Богородица съ Младенцемъ и Предтеча Іоаннъ, а выше Спасителейъ образъ, а еще выше радугой звѣзды, а посредѣ радуги престолъ съ книгой и у престола скамейки со крестомъ и копіемъ.

Вотъ какой сонъ снился царю — самъ образъ Софіи Премудрости Божьей!

Добѣжалъ Пѣтушокъ до царскихъ палатъ. Пропустила Пѣтушка царская стража. И прямо къ царю. И повторилъ Пѣтушокъ, что сказалъ ему невѣдомый вѣстникъ :

— Клянусь святою Софіей, именемъ создаемой великой церкви, не уйду отсюда, пока не вернешься. Я посланъ отъ Бога быть здѣсь на стражѣ! — и глаза Пѣтушка загорѣлись, какъ звѣзды.

И уразумѣлъ царь Іустиніанъ, кто это вѣстникъ и чье это слово, и возрадовался о чудѣ — о имени чудномъ великой создаваемой церкви. И положилъ назвать великую церковь святою Софіей по слову ангела — откровенію Пѣтушкову.

И немедля вышелъ царь изъ царскихъ палатъ и съ нимъ мастера всѣ, славя и хваля Бога, святою Софію.

А Пѣтушка съ собой на работу не взяли, оставили въ царскихъ палатахъ.

— Вернется Пѣтушокъ, ангель Господень уйдетъ со стѣны, не вернется Пѣтушокъ, останется ангель стеречь.

Такъ и не взяли.

Такъ съ тѣхъ поръ и остался Пѣтушокъ въ царскихъ палатахъ. И никуда ужъ его отъ царя не отпускали и даже домой, къ святому Мамѣ, гдѣ жилъ онъ съ отцомъ, его не пускали, къ дворцовымъ воротамъ не велѣли подходить

близко, и только что по двору побѣгать можно. И заскучаль Пѣтушокъ. И ужь какъ просился, — ну, хоть глазкомъ взглянуть на постройку! — и жаль его было, да царева указа не могли послушать.

Хорошо въ царскихъ палатахъ, всего тамъ вволю, и, чего душа хочеть, все можно, да Пѣтушку-то ничего не надо: одна просьба, однѣ слезы — выпустить его, просить, за дворцовыя ворота на стройку, полазять ему, какъ прежде, по лѣсамъ, по верхушкамъ съ лопаточкой, съ топорикомъ.

И не разъ самъ царь его уговариваль и съ нимъ Анѳемій строитель и товарищъ его Исидоръ строитель, не разъ и мастера учили, пробоваль и отецъ толковать.

— Вернется Пѣтушокъ, ангель Господень уйдетъ со стѣны, не вернется Пѣтушокъ, останется ангель стеречь.

Смышленный, понималь Пѣтушокъ, да что ты съ сердцемъ-то сдѣлаешь: не покорливо, хоть и маленькое, и какъ ни толкуй, а не успокоится.

— Папа, — скажетъ, и ужь губы дрожать, — папа родной мой, пусти меня на волю. Я, папочка, только посмотрю. . .

Ну, что тутъ сказать, и понимаешь, а ничего не подѣлаешь.

Долго съ мальчонкомъ мучились.

И ужь какъ-то само собой вышло, либо тутъ нянька царская Малаеевна, мудрая женщина, ея дѣло: напахнулъ добрый умъ — затихъ Пѣтушокъ — покорилося, звать, сердце его непокорливое, больше не плакалъ, не просился на волю, на стройку. Чахъ Пѣтушокъ въ царскихъ палатахъ. И ужь не надо ему ни лопаточки, ни топорика. Станеть ли Малаеевна сказывать сказку, молча слушаетъ сказку, не улыбнется, не поправитъ, не загорятся глаза, какъ бывало, а, бывало — — какъ пѣтушки-огоньки, горѣли.

На третій день Рождества освятили великую церковь, святую Софію Предмудрость. И ради торжества такого на подромии — игрищѣ царскомъ — были убиты тысяча быковъ, десять тысячъ овецъ, шетьсотъ оленей, тысяча свиней, десять тысячъ куръ, десять тысячъ цыплятъ, и вся эта живность и тридцать тысячъ мѣръ хлѣба розданы были народу. И когда растворили красныя царскія двери и, какъ ангелы, воспѣли калуфони, царь взошелъ на хрустальный амвонъ, сталь подъ золотую сѣнь, учиненную бисеромъ со свѣтлыми измарагды — воистину, царь побѣдилъ Соломона!

А Пѣтушокъ и на освященіи не былъ, — не дождался.

Такъ и зачахъ: за сорокъ дней до торжества передъ Филипповымъ заговеніемъ Пѣтушка по-

хоронили. Велѣлъ царь Іустиніанъ мастерамъ сдѣлать серебряный гробикъ, въ немъ Пѣтушка и похоронили, а съ нимъ и лопаточку его и топорикъ.

Въ царскихъ палатахъ въ Богородичной церкви Маячной, гдѣ Нерукотворенный образъ, Крестъ честный, Вѣнецъ, Губа, Гвозди, Багряница, Копіе и Трость страстныя, въ уголку у трапезныхъ дверей серебряный гробикъ — лежитъ Пѣтушокъ —

„за великую церковь святую Софію Премудрость при царѣ Іустіанѣ“.

1915 г.

ЛИТЕРЫ ПРОРОЧЕСТВЕННЫЯ

На три угла на семи холмахъ стоитъ царственный Новый Римъ. Тридцать пять дорогъ — тридцать пять воротъ ведутъ въ Царьградъ.

Отъ Русскаго моря съ Воспора — ворота Варварскія и ворота Михайловы. Отъ Суда златорогаго — ворота Евгеньевы, Красныя, Рыбныя, Осужденныхъ, Дровяныя, Источника, Хлѣбныя, Стекольныя, Святой, Новыя, Петрійскія, Фанарскія, Царскія, Звѣринскія, Влахернскія. Съ запада съ суши — другія Влахернскія, Озерныя, Калигарійскія, Каллиникова калитка, Безплотныхъ, Миріандровы и Поліандровы, Пемптіискія, Меландрійскія, Силиврійскія, Романовы — въ нихъ вошелъ султанъ Махмудъ, поплѣнилъ Царьградъ. Съ юга же отъ моря Мраморнаго — ворота Одигитріи, Контоскалійскія, Новыя, Емильяновы, Псомаѳійскія, Яблоновыя и Золотыя-Русскія — въ нихъ и войдутъ, такъ идетъ молва, освободятъ Царьградъ.

Велика святыня цареградская, много святыхъ чудесь хранить земля.

Подъ камнями завалены лежать въ землѣ пророки Данииль и Исаія. За Судомъ златорогимъ — Симеонъ Столпникъ, утвердившій на своемъ столпѣ брENNую волю, нашъ духъ немощной. У Влахернскихъ воротъ — Андрей Юродивый, первый вольно принявшій терпѣніе отъ жестокаго міра сего и сердечными очами видѣвшій Богородицу — Покровъ Богородицы. А тамъ, на Лугаревомъ полѣ, Антоній Великій и Павелъ Фивейскій — отцы трудники, столпы пустынные. А тамъ, у воротъ Романовыхъ, въ церкви Благовѣщенія, Романъ пѣвецъ и Іоаннъ Дамаскинъ.

Въ святой церкви Апостольской на средѣ церкви алтарь, тамъ, полъ алтаремъ, Іоаннъ Златоустый и Григорій Богословъ лежать. У алтарной преграды два столпа: великій столпъ Христовъ, у него привязанъ былъ Христось, когда мучили, и малый столпъ Петра, у него горько плакалъ Петръ, когда запѣлъ пѣтухъ. Подъ трапезой евангелистъ Матѳей и Лука и съ ними апостоль Андрей. А отъ алтаря на востокъ гробъ Константина царя, на гробной кровлѣ письма греческія — а написано о турскомъ царствіи и о концѣ его.

По стопамъ архіепископа новгородскаго, Антонія — Добрыни Ядрѣйковича, по камуш-

камъ мниха Стефана Новгородца и земляковъ его доброписцевъ Ивана и Добрилы, іеродіакона Троице - Сергіевской лавры Зосимы, да дьякона Игнатія, да дьяка Александра, первыхъ русскихъ паломниковъ ко Царюграду, была и мнѣ милость поклониться святой Софіи Премудрости.

Развоеванъ стоялъ Цареградъ.

Гдѣ святыя сорокъ сороковъ, гдѣ монастырь Студійскій — изъ него на Русь книга пошла, уставъ и тріодъ! — гдѣ Влахернская церковь, гдѣ Спасъ Великій, гдѣ Воскресеніе, гдѣ святыя сокровища — палица Моисеева, море раздѣлившая, Самуиловъ помазующій рогъ, сучецъ масличень голубя Ноева, Ильина милоть, риза и пелена Богородицы, гдѣ гробъ Захаріи, гробъ Симеона Богопріимца, гробъ Іакова, брата Господня, Варвара Великомученица, Пантелеймонъ Цѣлитель, Флоръ и Лаверь, Козма и Даміанъ, Иванъ Кушникъ, Селивестръ, папа Римскій, гдѣ доска, на которой положень былъ Господь нашъ, — надъ ней Матерь Божія плакала и шли слезы, какъ воскъ бѣлыя, гдѣ доска, гдѣ эти бѣлыя слезы?

Съ землей сравнена церковь Апостоловъ — на ея мѣстѣ мечеть Махмудіе, завалены Золотыя ворота — нѣтъ ни проходу, ни пропуску.

На двѣ стрѣлы отъ Спаса Великаго передъ монастырскими вратами лежала каменная жаба:

при царѣ Львѣ Премудромъ ночью жаба по улицамъ ходячи, сметіе людей пожирала, а метлы пометали сами, — возстануть людие порану, а улицы чисты.

Нѣтъ Спаса Великаго, нѣтъ монастыря Аполликантскаго, нѣтъ воротъ монастырскихъ, нѣтъ каменной жабы.

Вышелъ я вечеромъ походить по улицамъ города. Лѣниво и мирно подъ кровлями, рѣдки встрѣчи, неторопливы прохожіе. Я ходилъ по пустыннымъ улицамъ по стопамъ паломниковъ: поминалъ въ вѣкахъ канувшее и то, что видѣли, и то, что слышали.

И не помню, какъ пришла ночь.

И не узналъ я города.

Люкнувъ, заулькало и пошло бурбить бурьбой съ конца въ конецъ, — и увидѣлъ я жабу каменную: на лапищахъ на каменныхъ вскачь неслась жаба по улицѣ, хапала, глотала, — пожирала сметіе, а за нею сами метлы мели.

Какъ во снѣ, проходилъ я древними уболами, не по улицамъ, мимо церквей канувшихъ, мимо столповъ мраморныхъ, перешелъ царевымъ путемъ Плакоту, площадь мраморную.

Жаба насытилась, у водопровода булькала, напивалась жабина студеной воды — и ей, каменной, тоже попить хочется! Напилась, облизнулась и опять на мѣсто — у воротъ залегла монастырскихъ, а съ нею и метлы.

И такая стала ночь, такая тихая, такая темная
— неслышная.

Я вошелъ въ церковь Апостоловъ.

У алтарной преграды два столпа стоять.

Поклонился я Христову столпу: у него при-
вязанъ былъ Христоръ, когда мучили.

— Слава страстямъ Твоимъ! Слава долго-
терпѣнію Твоему, Господи!

Поклонился и Петрову столпу — его горькимъ
слезамъ, когда запѣлъ пѣтухъ.

— Братъ мой, Петръ, съ первыхъ словъ моихъ
съ первыхъ думъ я горевалъ съ тобой!

И увидѣлъ на восточной сторонѣ великій
царскій гробъ: на гробной крышѣ сверкали
огненные литеры.

Снилось мнѣ или въ явѣ я видѣлъ царскій
гробъ, огненные помню литеры — письмена
греческія. Потомъ я долго искалъ, спрашивалъ
мудрыхъ людей. И нашель въ старой книгѣ —
отъ Геннадія патріарха, перваго по взятіи Царя-
града, толкъ:

въ первый Индикта царство Исмаила, зовомаго
Моамеа, имать побѣдити родъ Палеологовъ,
седмихолміе одержить, внутрь воцарится,
языки премногими облагаетъ, и острова
опустошитъ, даже до Евксинскаго понта;
островыхъ сосѣдей разорить.

въ осмый Индикта Пелопонисомъ обладаетъ;

въ девятый Индикта на сѣверныя страны имать
воевати;

въ десятый Индикта далматовъ побѣдить,

паки обратится еще на время; съ далматами
брань воздвигнетъ велію; часть нѣкая сокру-
шится.

и множества — и языцы купно со
западными моремъ и сушею рать
соберутъ, и Исмаила побѣдятъ,
Седмихолміе возмутъ со проно-
міями.

тогда брань возставятъ междоусобную,
свирѣпую, даже до пятого часа, и гласъ
возапіетъ трижды, — станите, станите
ос страхомъ, поспѣшите зѣло спѣшно,
въ десныхъ странахъ мужа обрящете добля,
чудна и сильна, сего имѣйте владыку:
другъ бо мой есть, и того вземше,
волю мою исполняйте.

1915 г.

ЛЕЙ ИКОНОПИСЕЦЪ

Отъ великаго алтаря на лѣвую руку, идя посолонь, противъ столпа Васильева, столпъ отъ краснаго камня мрамора, мѣдью окованный, Григорія — отца отцовъ, тутъ и мощи его и образъ, и за всякой службой народу тѣснота толкучая: болящіе трутся о столпъ на исцѣленіе. А отъ столпа Григорьева у царскихъ входныхъ дверей на возвышеніи образъ Спасовъ великъ написанъ, и только одного перста у правой руки не написано, а скованъ серебрянъ и позлащенъ.

Я спросилъ вожа моего:

— Что есть персть ненаписанный, а скованъ серебрянъ и позлащенъ?

И повѣдалъ мнѣ вождь мой чудо страшно и великое.

Жилъ въ Цареградѣ Лей иконописецъ, мужъ добраго нрава и благочестивый, и ужъ такъ гораздъ иконамъ, такую напишетъ — золотую, и горять краски по золотому полю, какъ горить

на вечернемъ закатѣ Мраморное море; Анѳемію, строителю великой церкви, другъ былъ.

И когда царь Іустиніанъ приступилъ къ созданію великой церкви, Анѳемій задалъ другу задачу: написать у царскихъ входныхъ дверей образъ Спасовъ.

Нѣкогда, при земной жизни Христа, Авгарь, князь едесскій, томимъ много лѣтъ отъ синія проказы, послалъ Ананію, иконнаго писца своего, въ Іерусалимъ написать образъ лица Христова. И Ананія встрѣтилъ Христа, но сколько ни трудился, не могъ списать Божественный образъ: то выходилъ Христосъ очень молодъ, то очень старъ и совсѣмъ непохожъ, пока самъ Христосъ не совершилъ чуда — умыть пречистое Свое и Божественное лицо водою, утерся убрусомъ, и на убрусѣ вообразилъ ликъ Его.

Въ царскихъ палатахъ въ церкви Пресвятой Богородицы Маячной и хранился этотъ убрусъ Авгаревъ — Нерукотворенный образъ Господа нашего Іисуса Христа.

И съ самага того дня, какъ заложенъ былъ первый камень великой церкви, Лей иконописецъ проводилъ дни у Богородицы въ дворцовой церкви передъ Нерукотвореннымъ образомъ Спаса, ночами же неустанно молился, прося благословить непостижимое Божественное Слово постигнуть — написать ликъ Христовъ.

И, много молившись, приступилъ къ работѣ.

Проходили годы въ трудѣ и воздержаніи. И былъ немутенъ умъ его и сердце чисто.

Въ праздничные дни въ царскихъ палатахъ за царской трапезой въ кругу мастеровъ сидѣлъ Лей иконописецъ молчаливо, а работу свою держалъ въ большой тайности, даже и отъ друга своего Анеемія.

И царь Іустиніанъ, любившій бесѣдовать съ мастерами, видя стараніе и скрытность Лееву, не докучалъ ему вопросами.

Ужъ давно вернулись съ Родоса мастера цареградскіе — Троиль, Василій и Колоквинтъ, наблюдавшіе за изготовленіемъ кирпичей для купола, и былъ возведенъ необыкновенный куполь — великій теремъ великой церкви, и весь онъ горѣлъ въ золотѣ, а стѣны, покрытыя мраморомъ, росписаны, и повѣшены были паникадила на толстыхъ серебряныхъ цѣпяхъ толщиною въ руку, и изъ золота и драгоценныхъ камней, разбитыхъ и сплавленныхъ съ золотомъ, положена была доска на престолъ, и за святымъ престоломъ водруженъ великій крестъ золотой, мѣры болѣ двухъ, человѣкъ отъ земли, а передъ нимъ повѣшенъ другой крестъ съ тремя лампадами вдоль трехъ вѣтвей. Убирали драгоценными камнями сребростолпную надпрестольную сѣнь, — пятый годъ подходилъ къ концу, а Лей иконописецъ все еще не давалъ отчета о своемъ трудѣ.

Чѣмъ ближе подходила работа къ концу, тѣмъ сильнѣе охватывало его необоримое чувство и жгучее нетерпѣніе какое-то, — все ему хотѣлось все сразу и одной чертой. И это чувство было такъ остро, духъ захватывало, — руки дрожали.

И, бывало, ничего не прибавивъ и не убавивъ, садился онъ на лавку и сидѣлъ съ закрытыми глазами, горя весь мечтою о своемъ завершенномъ дѣлѣ.

И острота этихъ чувствъ — и нетерпѣніе, и огненная мечта — пронизывала всю его душу, и наступало затѣмъ утомленіе: равнодушный ко всему на свѣтѣ, а главное, къ первому своему — къ работѣ своей, выходилъ онъ на улицу и шель за городовую стѣну въ поле такъ, ни о чемъ не думая и ничего не желая.

На совѣтѣ царскомъ назначенъ былъ день освященія великой церкви.

Лей иконописецъ былъ на этомъ послѣднемъ соборищѣ мастеровъ. И для всѣхъ, кто его видѣлъ тогда, не осталось не замѣтнымъ его необыкновенно странное поведеніе: онъ не только что не говорилъ ни слова, онъ сидѣлъ, не подымая глазъ.

И царь, опрашивая мастеровъ и смекая о срокѣ окончанія работъ, царь не рѣшился обратиться съ вопросомъ къ Лею.

Впрочемъ, и спрашивать нечего было, — не могъ, вѣдь, Лей не исполнить къ сроку своей

работы! И, на самомъ дѣлѣ, образъ Спасовъ былъ весь написанъ, и оставалось всего на правой рукѣ написать мизинецъ.

И вотъ послѣ совѣта царскаго позднимъ вечеромъ Лей прошелъ изъ царскихъ палатъ царскимъ ходомъ прямо въ великую церковь, твердо рѣшившись въ ночь все закончить.

Послѣднія работы въ великой церкви совершались и ночью: церковь была освѣщена, и свѣту было, какъ днемъ.

Написать мизинецъ — дѣло простое. Лей это самъ хорошо зналъ, но тутъ произошло то, что уже бывало съ нимъ за послѣднее время: то самое чувство нетерпѣнія и огненной мечты охватило его. И вмѣсто того, чтобы дописать недописанное, онъ вышелъ изъ палатки и позвалъ друга своего Анѳемія посмотрѣть на работу.

И они стояли передъ Спасовымъ образомъ.

Анѳемій, не скрывая восхищенія своего, громко хвалилъ друга. И, наглядѣвшись на образъ, не могъ утерпѣть, пошелъ къ царю. И привелъ царя. И ужъ съ царемъ наперерывъ оба выражали свое восхищеніе.

А Лей стоялъ поодаль и ничего не слыхалъ, и не замѣтилъ, какъ къ царю выходилъ Анѳемій и вернулся съ царемъ, и какъ царь и Анѳемій ушли изъ церкви, и онъ опять остался одинъ.

Лей, не сводя глазъ съ образа Спасова, весь въ одной былъ думѣ.

И эта дума его была громка, какъ царскія похвалы и похвала его друга, строителя великой церкви, одна и нераздѣльно вросла она въ его сердце, заполняла всю душу, — дума о томъ, что вотъ онъ, Лей иконописецъ, завершилъ великое дѣло: постигнуть непостижимое Божественное Слово — написалъ ликъ Христовъ.

И вотъ дошла она, эта дума его, до краевъ своей страсти и, огненная, какъ та мечта огненная, восторгомъ всколыхнула всѣ его чувства, и онъ воскликнулъ къ Спасову образу, какъ къ живому:

— Господи, видишь, я изобразилъ ликъ Твой, какимъ Ты былъ на землѣ!

И внезапно столпъ огнень сталъ вверху надъ образомъ, и былъ тихій гласъ:

— А ты когда меня видѣлъ?

Въ утренній часъ царь съ Анѳеміемъ и съ прочими мастерами, обходя великую церковь, вошли въ палатку у царскихъ входныхъ дверей, желая еще разъ полюбоваться на Лееву работу и показать другимъ.

И каково было изумленіе, когда увидѣли они Лея: онъ сидѣлъ на полу — лѣвой рукой на лавку, правая же висѣла, какъ не живая.

И передъ царемъ не поднялся и на вопросы не отвѣчалъ, ибо былъ нѣмъ.

Все ему было трудно: смотрѣть, дышать, шевелиться, — и ужъ кое-какъ ущѣлѣвшей рукой нацарапалъ онъ царю, что случилось съ нимъ въ ночь.

И дивились всѣ бывшему чуду.

Повелѣлъ царь Іустиніанъ никому болѣе не касаться Спасова образа, а на недописанный персть выковать серебряный — людямъ на страхъ и на увѣдѣніе.

И тотъ персть у Спаса не писанъ, а скованъ серебрянъ и позлащенъ.

1915 г.

ОТРОКЪ ФИНОГЕНОВЪ

На мощахъ мучениковъ утверждены столпы софійскіе.

Много угодниковъ покоится во святой великой церкви.

Есть глава Пантелеимона, глава Кондрата апостола, глава Ермолы и Стратоника, глава Кира и Іоанна, рука Германова — ею ставятся патріархи, лежитъ Аверкій святой и Григорій Великій Арменіи, и Селивестръ папа Римскій, а за крестомъ мѣрнымъ — колико былъ Христось возвышенъ плотію на земли — вдовица Анна лежитъ, давшая безмездно свой дворъ святой Софіи, а въ придѣлѣ Петра и Кодина — святая Феофанида, ключи державшая отъ святой Софіи.

Гробъ же одинъ стоитъ малый и нѣтъ больше гробовъ въ великой церкви.

А въ томъ гробѣ — отрокъ Финогеновъ.

Попъ Финогенъ былъ попь софійскій.

А было въ великой церкви у святой Софіи три тысячи поповъ : пятьсотъ ругу емлютъ — на содержаніи церковномъ, а прочіе — крестцовые — отъ алтаря питались. И когда кто умиралъ отъ пятисотъ ружныхъ, то первый въ очереди крестцовый входилъ на его мѣсто.

Попъ Финогенъ былъ поповъ крестцовый.

А очередь его была самая послѣдняя, и попасть ему въ пятую сотню удачныхъ — дѣло очень мудреное и, скажу, безнадежное : двѣ тысячи четыреста девяносто девять вождельющихъ стояли впереди его !

Ружные попы жили въ городѣ у церкви, и былъ имъ почетъ и отъ царя и отъ патріарха — всѣ до одинаго митрофорные. А крестцовые — дѣло совсѣмъ другое, ужь кому гдѣ Богъ укажетъ, тамъ и селились : подходнѣй который — поближе, а что поплоче — ногъ не соберешь.

Попъ Финогенъ жилъ внѣ Золотыхъ Воротъ у Живоноснаго Источника въ приходѣ Николаи-Проби-Лобъ.

Къ бѣдности, изъ которой не выльзаль Финогенъ, пришло ему въ жизни большое горе : умерла матушка. И остался поповъ одинъ, да съ нимъ Сергунька. И если было еще на свѣтѣ, чѣмъ жить попу и ради чего терпѣть, такъ этотъ самый Сергунька.

Думалъ Финогенъ, глядя на сына, — дай подрастетъ мальчонка, опредѣлить онъ его въ

ихнее Заиконоспасское, потомъ поступить Сергунька въ семинарію, въ Виѳанскую, кончить семинарію, а тамъ еще куда, а тамъ, благословить Богъ, архіереемъ будетъ.

„Будешь во времени, меня помяни!“ — гладилъ попъ по головкѣ Сергуньку, архіерея своего, владыку грознаго и милостиваго, передъ которымъ вострепещутъ сами ружные попы софійскіе, гладилъ бѣлесые, какъ пушекъ, волоски его по концамъ съ завитками, ослабляся и добро — добрый былъ батюшка отецъ Финогень — и съ удовольствіемъ — не легко ему доставалась копѣйка, да и гнуться приходилось, нехорошо!

А Сергунька такой тоненькій, какъ былиночка, весь въ мать покойницу, и глаза, какъ у матери, такіе чего-то пугливые. И какъ станеть, бывало, за службой — съ ослопной ли свѣчей, съ благовоннымъ ли кадиломъ — въ стихарикѣ своемъ, въ серебряномъ, ну, такой чудесный, и жалко чего-то.

Послѣднее время все чаще, глядя на Сергуньку и гадая о судьбѣ его завидной, а съ ней и о себѣ, о своемъ одинокомъ, загнанномъ и послѣднемъ, попъ въ разгаръ чайній и упованій своихъ вдругъ сжимался весь отъ этой вотъ жалости.

— Сергунюшка, ты бы хоть молоко пилъ! Хочешь козьяго? Я тебѣ, Сергунька, козу куплю.

А Сергунька такой тоненькій, какъ былиночка, и ни кровинки, только глядитъ на отца, все понимаетъ — какую! ну, откуда имъ козу купить?

Сергунька первый былъ отцу помощникъ: и читалъ и пѣлъ и раздувалъ кадило. Попъ Финогенъ безъ Сергуньки ни шагу.

— Будешь во времени, меня помяни! — бормоталъ попъ отъ любви своей и надежды, и видя и невидя, и удивляясь и больно жалѣя.

Въ одномъ изъ трехсотъ шестидесяти пяти придѣловъ великой церкви попъ Финогенъ готовился служить заупокойную обѣдню. За послѣднее время это былъ рѣдкій случай, пришлось ему больше отправлять молебны и панихиды. И вѣдь, какъ все вышло несповѣдимо: какая-то старушка подошла сама къ Финогену и изъ всѣхъ стоящихъ поповъ выбрала Финогена. Батюшка ли ей понравился, или Сергунька взялъ ея старое сердце, — можетъ, и у нея когда-то такой же вотъ внученочекъ былъ, тоже Сергунька?

Въ придѣлѣ Петра и Кодина, гдѣ Петровыхъ веригъ желѣзо вковано въ золотую икону, облачившись, началъ попъ Финогенъ обѣдню.

Сергунька читалъ часы.

И вотъ на проскомидіи, раздробивъ Агница и положивъ Его на святомъ дискосѣ за жизнь всего міра, когда отецъ Финогенъ взялъ копіе

и, прободая копіемъ Агнца, проговорилъ во свидѣтельство истины — „единъ отъ воинъ копіемъ ребра Ему прободе и абіе изыде кровь и вода...“ — бѣлый свѣтъ сверкнулъ на копіи.

Финогенъ поднялъ глаза и увидѣлъ: одесную передъ престоломъ предстоялъ ангель, и свѣтомъ неизреченнымъ свѣтился ликъ его.

— Се мя Богъ послалъ по душу дѣтища твоего, да ю воспріиму! — сказалъ ангель.

И, какъ тотъ свѣтъ бѣлый, сверкнувшій внезапно на копіи, одна сверкнувшая мысль разсѣкла благоговѣйныя мысли Финогена — послѣдняя его надежда отнималась! — и сердце озябло и руки задрожали.

Минуту стоялъ онъ нѣмой, глаза открыты, весь въ свѣтъ, исходящемъ отъ лика и крыль ангельскихъ.

— Возьмешь у меня сына, — спохватился Финогенъ, — нѣтъ, лучше ужъ я... — и подумалъ: „какъ же такъ Сергунька, вѣдь, онъ же такой слабый, одинъ останется?“ — и вдругъ раздумался, — не знаю я, для чего душа его и ты не знаешь, для чего душа его Тому, Кто послалъ тебя, Богу моему и твоему, — и принялъ судьбу свою, принялъ горькую по суду Божьему, — Онъ одинъ знаетъ! И я прославлю Его, пославшаго тебя, пославшаго Сына Своего на очищеніе грѣховъ и на спасеніе душъ нашихъ. Подожди, дай окончу святую службу.

И, взявъ вино и воду въ святой потиръ, благословиль :

— Духъ, кровь и вода — тріе воедино !

И по смиренію его послушалъ его ангель Господень : видимый только ему одному, служащему у престола, остался ангель Господень ждать у престола, пока не окончить попь святую службу.

Неизреченный свѣтъ исходилъ изъ алтаря отъ престола.

И первая увидѣла этотъ ангеловъ свѣтъ старушонка, заказавшая обѣдню, а за ней странники, калики переходящіе, пришедшіе издалека поклониться Петровымъ веригамъ во святую великую церковь Софію Премудрость. И быстро пронеслась молва по церкви о свѣтѣ, возсіявшемъ у престола въ придѣлѣ Петра и Кодина.

Хлынулъ народъ со всей церкви. Дали знать въ царскія палаты. И на полатахъ въ великой церкви въ сонмѣ бѣлыхъ діаконовъ увидѣли царицу.

Попъ Финогенъ служилъ обѣдню. Сергунька прислуживалъ, раздувалъ кадило, и на блѣдномъ личикѣ его, будто двѣ розы горѣли, да поблескивали мелкія росинки на лбу, такія ясныя, какъ хрусталикъ хрустальнаго софійскаго амвона.

Ангель Господень предстоялъ у престола, никому не зримый, кромѣ Финогена, свѣтъ же,

сіявшій отъ лика его и крыльевъ былъ каждому виденъ, и всѣ дивились неизреченному свѣту.

Сергунька въ своемъ стихарикѣ серебряномъ, весь захопотавшись за дѣломъ, только одинъ Сергунька не замѣчалъ никакого свѣта.

Когда кончилась обѣдня, вышелъ изъ алтаря Финогенъ съ крестомъ, ангелъ сталъ за крестомъ и отъ свѣта лика и крыльевъ золотой загорѣлся крестъ въ рукахъ у попа, и никто не рѣшался подойти ко кресту.

И одинъ Сергунька, отслужившій всю службу, видя замѣшательство въ народѣ, первымъ подошелъ ко кресту, первый приложился къ кресту и вдругъ увидѣлъ... ангела увидѣлъ — и отъ свѣта въ глазахъ у него зарыбило, и какъ бы-linka болотная пошатнулся и — на колѣни, нагнувъ голову — до самой земли.

И тогда ангелъ Господень вынулъ изъ него душу.

И свѣтъ померкъ.

И оттого, что свѣтъ былъ не сего свѣта, стало внезапно, какъ въ грозу, въ великой церкви, и только у Петровыхъ веригъ красныя теплились серебряныя лампы, да на канунѣ старухина свѣчка тоненькимъ язычкомъ угасала.

Бездыханнаго Сергуньку своего — надежду ненадѣянную, радость необрадованную, свѣтъ очей и жизнь — Сергунюшку взялъ отецъ на

руки и, закрывъ ему померкшіе глаза, благословилъ на жизнь на то-свѣтную.

— Миръ ти!

И обращаясь къ народу, рассказалъ Финогенъ о ангелѣ Господни, пришедшемъ по душу дѣтища его.

Чей умъ и чья душа, слыша о такомъ чудѣ, не помянула о царствѣ небесномъ и жизни безконечной и не поревновала о смиреніи передъ волей Божьей!

И по такому смиренію и чистоты ради души дѣтской одинъ стоитъ гробъ въ великой церкви, и нѣтъ другого гроба, кромѣ того.

А въ томъ гробѣ — отрокъ Финогеновъ.

1915 г.

МАРІЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Есть въ великой церкви чудный образъ Богородицы — какъ войдешь въ великія двери по правую руку, у малаго алтаря стоитъ — и шли слезы отъ очей Богородицы на очи Христа.

Тамъ и воду даютъ отъ алтаря на помазаніе недугующимъ и страждущимъ, на кого наложилъ Богъ руку Свою. И стоитъ народъ — какое отчаяніе — одни глаза! — это тѣ, кому нѣтъ отъ людей больше вѣры, отверженные.

А принесень тотъ чудный образъ въ великую церковь изъ Іерусалима — Іерусалимская Божія Матерь, Маріи Египетской небесная поручница.

Даль Богъ человѣку великую радость — красоту плотскую. И благословилъ ее на брачномъ пиру, гдѣ была и Матерь Его. Создавый воду, превратилъ воду въ вино на брачномъ пиру.

Тайна сія велика.

Даръ Божій — красота плотская — благословенная! Великая идетъ отъ нея въ міръ радость. И былъ этотъ даръ Божій на Маріи Египетской и благословеніе.

Марія Египетская была блудница.

Тайна сія велика.

Какъ-то передъ Воздвиженіемъ снарядился корабль плыть изъ Александріи въ Іерусалимъ на праздникъ. Богомольцевъ собралось немало: всѣмъ хотѣлось побывать въ Іерусалимѣ въ этотъ великій праздникъ. Съ богомольцами поѣхала Марія: не поклониться Кресту она ѣхала, привлекало ее совсѣмъ другое — много было на кораблѣ богомольцевъ, еще больше будетъ въ Іерусалимѣ!

Ѣхала Марія на кораблѣ такъ, денегъ у нея не водилось — зачѣмъ ей деньги? — а нашлись люди, за нее заплатили. Ну, какъ не заплатить за такую? И, скажу, путь былъ веселый. Дорога моремъ опасна, а тутъ не замѣтили, какъ и доѣхали. Еще бы, съ такою развѣ замѣтишь? И въ Іерусалимѣ нашлось ей мѣсто — ей ли не найти пріютъ? И весело прошла ночь и день на святой землѣ.

Когда же настала вечеръ, ударили ко всенощной, богомольцы поспѣшили въ церковь, и Марія за ними въ церковь.

Марія была такая, какъ дома, въ Александріи, какъ тамъ, на кораблѣ, и какъ эту ночь

и день. А тѣ самые люди, — вчера еще изъ-за нея не замѣтили они и труднаго пути и весело провели съ ней ночь и день на святой землѣ, — эти люди были теперь совсѣмъ не такіе: какъ-то само собой, не сговариваясь, обходили они ее, словно боясь коснуться, какъ чего-то нечистаго. И сколько разъ пыталась она переступить порогъ церкви, и всякій разъ ее отгѣсняли. Ужъ не люди, какая-то сила не допускала ее на порогъ церкви.

„Или она хуже другихъ?“

Она отошла отъ дверей. Стала въ притворѣ.

Горкнуло сердце:

„Чѣмъ же ты хуже другихъ, горькое сердце?“

И стояла въ притворѣ одна.

Быль ей отъ Бога великій даръ — красота, и вотъ нѣтъ ей пути!

И вдругъ она поняла: тѣ люди шли ко Кресту, а она такъ... и всегда, всю свою жизнь все только такъ, — въ первый разъ поняла она и твердо рѣшила къ прежнему никогда не вернуться.

Горьмя горѣло горькое сердце.

Кто ей повѣритъ?

„Кто же повѣритъ тебѣ, горькое сердце?“

И подняла глаза — на бѣлой стѣнѣ противъ стоялъ образъ — Божія Матерь: и шли слезы отъ очей Богородицы на очи Христа.

И смотрѣла...

— Мнѣ-бъ не обозрѣть бѣлаго свѣта, правду я говорю! — смотрѣла она къ великому сердцу.

И упала слеза отъ очей Богородицы въ горькое сердце и, какъ свѣча, затеплилась въ сердцѣ.

Твердо ступила Марія. Переступила порогъ. Какъ свѣча, слеза теплилась въ сердцѣ. Народъ передъ ней разступался.

о, преславное чудо,
широта креста и долгота небеси равна есть!

На горнемъ мѣстѣ, видимо всѣмъ, воздвигнуть былъ Крестъ. И шель народъ поклониться Честному Кресту. И Марія съ народомъ поклонилась Честному Кресту.

о, лѣствица, ею же восходимъ на небеса!

живоносный садъ —
крестъ пресвятой.

Въ притворѣ передъ образомъ Матери Божіей — благодарила Марія Божію Матерь.

Былъ ей отъ Бога великій даръ — красота, и сталъ для нея даръ Божій погибелью.

„Какъ же ей быть? Гдѣ найти отдыхъ горькому сердцу?“

И смотрѣла... и смотрѣла къ великому сердцу.

И вотъ издалека голосомъ милымъ милой сестры донесло вѣсть :

— Перейдешь Иорданъ, тамъ тебѣ отдыхъ!

Всю ночь до бѣлой зари проходила Марія по городу.

Тамъ за церковнымъ порогомъ осталась вся ея прежняя жизнь, и ужъ назадъ не вернется. Станный голосъ, какъ окликъ весенній, наполнял ея душу.

По утру у городскихъ воротъ подалъ ей какой-то семитку.

Въ первый разъ она приняла Христа ради, купила на базарѣ три хлѣбца — будетъ ей на дорогу.

Зазвонили у Иоанна Предтечи къ ранней обѣднѣ. Зашла помолиться. Постояла у Иоанна Предтечи. Станный голосъ, какъ окликъ весенній, наполнял ея душу.

— А что тамъ, за Иорданомъ?

— За Иорданомъ? Тамъ и лютому звѣрю житье не барышно, летаютъ пустынные птицы.

— А какъ туда перебраться?

И долго искали человѣка. Нашелся одинъ старичекъ : онъ перевезетъ.

— Тамъ и бывалому пропадѣ.

Умылась Марія Иорданской водою, перекрестилась, сѣла въ лодку : три хлѣбца въ рукахъ.

— Ну, и съ Богомъ!

„Перейдешь Иорданъ, тамъ тебѣ отдыхъ!“

Сорокъ лѣтъ и семь лѣтъ прожила Марія за Іорданомъ въ пустынѣ.

Былъ ей отъ Бога великій даръ — красота, и вотъ Богу вернула она Его даръ — красоту: очи — цвѣтамъ, уста — зорямъ, тайные помыслы — облаку, страсть свою — солнцу и вѣтру, зной свой — пустынѣ.

И духомъ Божьимъ наполнилось чистое сердце.

Видѣлъ Марію старецъ Зосима: молилась Марія, не попирая земли — надъ землею. И не зная, узнала Марія Зосиму. Видѣлъ Марію старецъ Зосима: переходила Марія Іорданъ-рѣку: шла по водѣ, какъ по суху.

А когда померла она, левъ-звѣръ пришелъ къ сухому ручью и вырылъ когтями могилу. А померла она въ страстные дни — въ великій четвергъ у сухого ручья за Іорданомъ въ пустынѣ.

И видѣлъ старецъ Зосима въ часъ ея кончины, когда ея душа разставалась, видѣлъ въ церковномъ притворѣ на бѣлой стѣнѣ образъ Матери Божіей: и шли слезы отъ очей Богородицы на очи Христа.

Кто знаетъ жалость и скорбь Матери Свѣта, Скорбящей Заступницы нашей! Восхотѣла изъ свѣтлаго рая вольно во тьму — въ адъ итти къ намъ, къ грѣшнымъ и шаткимъ, вольно съ нами остаться нашу трудную бѣдовать бѣду — „Не надо мнѣ раю прекраснаго, хочу мучиться

съ грѣшными!“ — и шли слезы отъ очей Богородицы на очи Христа.

И стоитъ тотъ чудный образъ Богородицы, поручницы всѣхъ несчастныхъ, послѣднее прибежище — кому нѣтъ отъ людей больше вѣры — отверженныхъ, въ великой церкви во святой Софіи, Премудрости Божіей.

1915 г.

МИЛЫЙ БРАТЕЦЪ

Тучи, сестрицы, куда вы плывете?

Отвѣчали тучи:

— Мы плывемъ дружиной, милый братецъ, бѣлыя — на Бѣлое море во святой Соловецъ островъ, синія — на западъ ко святой Софіи Премудрости Божіей.

На Соколей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій блаженный, благословлялъ на тихую поплынь воздушныхъ сестеръ.

Унывали синія сумерки, — тамъ, за лѣсомъ ужъ осень катила золотымъ кольцомъ по опутинамъ, синія вечернія, разстиались онѣ, синія, по приволью — зеленымъ лугамъ.

*

Онѣ пришелъ къ намъ въ дальній Гледень отъ святой Софіи, отъ старца Варлаама съ Хутины.

Былъ богатъ казною и за его казну шла ему слава. Раздѣлилъ свое богатство и была ему честь за его милость. И стало ему стыдно передъ всѣмъ міромъ; вотъ слыветъ онъ хорошимъ и добрымъ и всѣ его хвалятъ. И развѣ не тяжело совѣстному сердцу ходить среди грѣшнаго міра въ бѣлой и чистой славѣ? И тогда взялъ онъ на себя великій подвигъ Христа ради и принялъ всю горечь міра...

Онъ, какъ свой, среди отверженныхъ, какъ братъ среди пропащихъ.

И соблазнились о немъ люди.

Онъ пришелъ въ суровый дальній Гледень отъ святой Софіи.

„Бродяга, похабъ безумный!“ — такъ его привѣчали.

Оборванный, злою стужей постучался онъ въ сторожку къ нищимъ, — нищіе его прогнали. Думалъ согрѣться тепломъ собачьимъ, полѣзъ въ собачью конурку, — съ воемъ выскочила шавка, только зря потревожилъ! — убѣжала собака. Окоченѣлый поплелся онъ на холодную паперть.

Кто его, безпріютнаго, приметъ, послѣдняго человѣка?

Честнѣйшая, не пожелавшая въ раю быть... не Она ли, пречистая, пожелавшая вольно мучиться съ грѣшными, великая совѣсть міра, Матерь Свѣта?

И вотъ на простуженной паперти ровно тепломъ повѣяло —

И съ той поры домъ его — папертный уголь въ домъ Пресвятой Богородицы.

Шла гроза на русскую землю.

Никто ее не ждалъ и жили безопасно.

Онъ одинъ ее чуялъ, принявшій всю горечь міра: съ плачемъ ходилъ онъ по городу, перестать умолялъ отъ худыхъ дѣлъ, раскрыть сердце друга для.

Суета и забота, — кому его слушать? Ой, били его и ругали.

И вотъ показалось: раскаленные красные камни плыли по черному небу, и было, какъ ночью, въ пожаръ, и былъ стукъ въ небесахъ, даже словъ не слышать.

Ошалѣли отъ страха.

„Господи, помилуй! Спаси насъ!“

А онъ передъ образомъ Благовѣщеніемъ бился о камни, кричалъ черезъ громъ: не погубить просилъ, пощадить жизнь народу, родной землѣ.

И гроза повернула, каменная мимо прошла туча.

Тамъ разразилась, тамъ расколосась, за лѣсомъ устюжскимъ и далеко засыпала камнемъ до Студенаго моря.

Онъ пришелъ въ суровый Гледень отъ святой Софіи.

И кровомъ былъ ему домъ Пресвятой Бого-
родицы.

А когда насталь его послѣдній часъ, шель
онъ вечеромъ въ церковь къ Михайлѣ арх-
ангелу.

Поджидала его смерть на Михайловомъ мосту.

„Милый братецъ, ты прощайся съ бѣлымъ
свѣтомъ!“ — и ударила его косою.

И онъ упаль на мосту.

И вотъ тучи-сестры принесли ему бѣлый по-
кровъ. Въ лѣтней ночи закуделила крещенская
метель — высокій намело сугробъ.

И лежалъ онъ подъ сугробомъ серебряную
ночь.

*

Въ синемъ сумракѣ тихо плыли синія и бѣлыя
тучи и, какъ тучи, плыли рѣки — синяя Сухона
и бѣлая Двина.

Зацвѣтала рѣка цвѣтами — послѣдніе корабли
уплывали: одни въ Бѣлое море на святой Соло-
вецъ островъ, другіе ко святой Софіи въ Нов-
городъ Великій.

На Соколей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Про-
копій блаженный.

— Милый братецъ, помоли о насъ, даруй
тихое плаваніе!

— Милый братецъ, благослови русскій народъ
мудростью святой Софіи, совѣстью Пречистой,
духомъ Михайлы архангела!

1914 г.

АВРААМЪ

Когда насталь срокъ жизни Авраама, сказалъ Господь архистратигу силъ небесныхъ, вятшему отъ ангель, Михаилу:

„Иди къ Аврааму, другу моему, скажи Аврааму: отойти онъ долженъ отъ міра сего, да распорядится о домѣ своемъ прежде конца.“

И сталъ архистратигъ на пути къ дому Авраама.

И нашель архистратигъ Авраама, сидящаго на полѣ. А былъ Авраамъ въ большихъ годахъ. И поклонился архистратигъ Аврааму.

И не зналъ Авраамъ, кто это.

— Откуда ты?

— Путникъ я.

— Путникъ, присядь со мной, — сказалъ Авраамъ, — я велю привести коня и мы поѣдемъ домой. Ужъ вечеръ, отдохнешь, а на завтра въ путь.

— А какъ имя твое? — спросилъ Михаилъ.

— Звали меня Аврамъ, но Господь переименовалъ имя мое, и зовусь я не Аврамъ, а Авраамъ.

Авраамъ позвалъ отрока, чтобы отрокъ привелъ коня ѣхать домой.

— Не надо, — сказала Михаилъ, — мы и такъ дойдемъ.

И они пошли, архистратигъ и Авраамъ.

И когда проходили они мимо дуба — многоветвистый дубъ стоялъ при дорогѣ — отъ ветвей слышенъ былъ гласъ:

„Возвѣсти, къ кому посланъ!“

Слышалъ архистратигъ, слышалъ и Авраамъ.

И затаилъ Авраамъ въ сердце таемное слово.

И когда пришли они въ домъ, призвалъ Авраамъ рабовъ своихъ.

— Идите въ стадо, выберите лучшаго барашка и приготовьте намъ вкусныхъ кушаній на ужинъ.

И пошли рабы исполнять волю господина своего.

Сказалъ Авраамъ сыну Исааку:

— Налей воды, Исаакъ, и принеси умывальницу, омоемъ ноги гостю. Чую, въ послѣдній разъ я омою ноги гостю.

Загрустилъ Исаакъ, слыша слова отца, пошелъ, принесъ воды и умывальницу.

— Что это, — заплакалъ Исаакъ, — сказала ты: „въ послѣдній разъ омою ноги гостю!“

И Авраамъ заплакалъ.

И архистратигъ, видя плачущихъ Авраама и Исаака, началъ плакать съ ними, и слезы архистратига падали, какъ камень.

Вошла Сарра, жена Авраама.

— Что такое? О чемъ плачете?

— Ничего, Сарра, — сказалъ Авраамъ, — будемъ пить и ѣсть съ нашимъ гостемъ.

II

Когда солнце погрузилось въ море и на востокъ взошла луна и загорѣлись звѣзды, оставилъ архистратигъ Авраама, поднялся на небеса — съ заходомъ солнца приходятъ всѣ чины ангельскіе на поклоненіе къ Богу, Михаилъ же среди нихъ первый.

„Послалъ Ты меня, Господи, къ Аврааму возвѣстити исходъ его тѣлесный, не могъ я исполнить, другъ онъ Твой и праведенъ, странныхъ пріемлетъ. Господи, пошли къ нему память смертную, да самъ уразумѣетъ о своемъ часѣ, а не отъ меня слышитъ горестное слово.“

И сказалъ Господь Михаилу:

„Иди, будь въ домѣ Авраама, увидишь ядущаго его, ѣшь и пей съ нимъ. Я вложу память смертную въ снѣ Исааку на сердце ему.“

Архистратигъ вернулся къ Аврааму и нашель великое пиршество.

И ѡль архистратигъ и пиль съ Аврааомомъ.

И когда окончилась вечеря, велѡль Авраамъ Исааку приготовить постель гостю. И возжегъ свѣтильникъ и повелъ на покой гостя.

И вотъ когда послѣ полночи, потрясшей все-ленную великимъ священнымъ ужасомъ, наступилъ часъ покоя всего живущаго, встрепенулся Исаакъ отъ сна и съ крикомъ бросился къ Аврааму.

— Отопри мнѣ, отецъ! Ты живъ еще? Еще не отняли тебя!

Авраамъ отперъ дверь.

Исаакъ припаль съ плачемъ къ отцу.

Заплакалъ и Авраамъ.

И архистратигъ, видя плачущихъ Авраама и Исаака, началъ плакать съ ними, и падали слезы его, какъ огонь.

Вошла Сарра.

— Что такое? Дурныя вѣсти или Лоть пермеръ?

— Нѣтъ, Сарра, — сказалъ архистратигъ, — я не принесъ дурныхъ вѣстей о Лоть: Лоть живъ.

И поняла Сарра, не похожа рѣчь архистратига.

И сказала Сарра Аврааму:

— Перестань плакать, или не разумѣешь о гостѣ? Зачѣмъ слезы, или не видишь, какой свѣтитъ свѣтъ въ нашемъ домѣ?

— Откуда ты знаешь, что этот человекъ отъ Бога?

Отвѣчала Сарра:

— Онъ одинъ отъ тѣхъ трехъ, что отдыхали у насъ подѣ дубомъ, ты имъ заклалъ тельца.

— Правда, и я, омывая ноги, подумалъ: „эти ноги я омывалъ тогда подѣ дубомъ!“

И Авраамъ и Сарра смотрѣли на своего гостя.

И сказала Авраамъ архистратигу:

— Кто ты?

Архистратигъ сталъ передѣ Авраамомъ.

— Я сынъ свѣта, архистратигъ силъ небесныхъ, Михаилъ.

И было видѣніе тѣла его, какъ сапфиръ, а взоръ лица его, какъ хризолитъ, а волоса на головѣ его, какъ снѣгъ, и кидаръ на головѣ его, какъ облакъ, и одѣяніе ризъ его, какъ багоръ, и жезлъ золотъ въ рукѣ его.

Авраамъ смотрѣлъ на гостя, дивился свѣту.

— Открой же, зачѣмъ ты пришелъ къ намъ?

— Пусть тебѣ скажетъ сынъ твой.

И сказала Исаакъ:

— О, что приснилось мнѣ! Я видѣлъ столпъ посреди двора — солнце и мѣсяцъ, какъ вѣнецъ, на головѣ сіяли моей. И вотъ великъ мужъ сошелъ съ небесъ, свѣтящійся, какъ самъ свѣтъ, взялъ солнце съ головы моей, а лучи оставилъ у меня. Заплакалъ я: „Господи, не отнимай отъ меня свѣта моего!“ И сказала мнѣ Господь:

„Не плачь, я взялъ свѣтъ дому твоему, онъ пойдетъ отъ труда на покой, отъ низа вверхъ, отъ тѣсноты на просторъ, къ свѣту отъ горькой тьмы.“ „Господи, бери и лучи съ нимъ!“ И сказалъ мнѣ Господь: „Я возьму лучи, когда скончается семь тысячь лѣтъ, а тогда воскреснетъ всякая плотъ!“

— Воистину, — сталъ архистратигъ, — солнце, Исаакъ, отецъ твой, возьмется на небеса духъ его, а тѣло останется на землѣ. Авраамъ, распорядись о домѣ своемъ, часъ грядетъ.

И сказалъ Авраамъ Михаилу:

— Если исходъ мой близокъ, хотѣлось бы еще въ жизни сей прежде смерти взойти на небеса и видѣть дѣла вся, какія сотворилъ Господь на небеси и на земли.

Отвѣчалъ Михаилъ:

— Самъ не могу я исполнить желанія твоего. Я скажу Владыкѣ, Богу всемогущему, и да будетъ воля его.

И взошеть архистратигъ на небеса.

И повелѣлъ Господь архистратигу:

„Вознеси Авраама и покажи ему все, и чего ни попросить, исполни, другъ онъ мнѣ.“

III

Силою духа поднялъ архистратигъ облако и на облакѣ понесъ Авраама за твердь на Окіанъ-рѣку.

И увидѣлъ Авраамъ двое вратъ: малыя и великія, а между вратами на престолѣ мужа въ вѣ сонмѣ ангеловъ, то плачущаго, то смѣющагося.

— Кто это великъ мужъ на престолѣ, ангелы окрестъ его, плачетъ и смѣется, и плачь его въ семькратъ больше смѣха?

И сказалъ Михаилъ:

— Ты видишь тѣсныя врата и другія врата широкія: тѣсныя врата ведутъ въ жизнь вѣчную, а широкія въ пагубу, мужъ же, сидящій на престолѣ, Адамъ, первый человекъ. Богомъ ему назначено созерцать души, исходящія изъ тѣлесъ. Когда видишь его смѣющагося, разумѣй, видитъ онъ души, ведомыя въ рай, а когда видишь плачущимъ, разумѣй, видитъ онъ души, ведомыя въ пагубу, а что плачь его заглушаетъ смѣхъ, разумѣй, въ семькратъ больше душъ идетъ въ пагубу.

— И не можетъ никто широкими вратами пройти въ рай?

— Никто.

И воскликнулъ Авраамъ:

— Горе мнѣ! Не пройти мнѣ черезъ тѣсныя врата: тѣломъ великъ я, а въ такія развѣ дѣти пройдутъ?

— Не тужи, ты и всѣ подобныя тебѣ, вы войдете въ нихъ.

Смотрѣлъ Авраамъ и дивился.

И вотъ показалось: ангель Господень провожалъ семь темъ душъ и одну душу держалъ на рукахъ. И вогналъ ангель семь темъ душъ въ широкія врата.

— Неужто всѣ въ пагубу? — удивился Авраамъ.

— Пойди и испытай, — сказалъ Михаилъ, — если найдешь достойную, выведи.

И повель архистратигъ Авраама къ широкимъ вратамъ къ душамъ погибельнымъ.

Пыталъ Авраамъ о дѣлахъ ихъ и ни одной не нашель достойной.

А та душа, что держалъ ангель Господень въ рукахъ — грѣхъ ея былъ равенъ добродѣтели ея и не было ей мѣста ни въ раю, ни въ пагубѣ — осталась душа обоудная стоять между вратъ до послѣдняго суда.

— Ангель Господень, провожавшій семь темъ душъ, онъ и душу вынимаетъ изъ тѣла? — спросилъ Авраамъ.

— Нѣтъ, смерть ведетъ душу на судное мѣсто.

— Покажи мнѣ судное мѣсто, хочу видѣть все.

И повель архистратигъ Авраама къ мѣсту, гдѣ творили судъ.

И слышно было, какъ чья-то душа вопіяла въ мукахъ:

— Помилуй, помилуй меня!

Сказалъ судія:

— Какъ мнѣ тебя помиловать? Ты сестру свою грѣшную не помиловала.

— Я не при чемъ, меня оклеветали, — брыкалась жестокая.

Сказаль судія:

— Принесите записи.

И херувимъ принесъ книги — двѣ книги.

А былъ тамъ мужъ великъ, имѣя на головѣ три вѣнца — вѣнецъ на вѣнцѣ, держаль онъ въ рукѣ златую трость, а призвали его свидѣтельствовать.

Сказаль судія:

— Обличи грѣхи сей жестокой души.

И разгнувъ книги и поискавъ грѣхи души той, отвѣчалъ:

— О, жестокая, говоришь, оклеветали тебя? Не ты ли во лжи и лести прожила жизнь свою? Гдѣ милости, сотворенныя тобой? Кого ты утѣшила? Съ кѣмъ радовалась, съ кѣмъ ты печалилась? Никого не пожалѣла — ни единого отъ несчастныхъ въ горькомъ мірѣ семъ.

И грѣхъ за грѣхомъ сталъ обличать, какіе совершила душа, и въ какой часъ.

— Горе, горе мнѣ! — вопіяла жестокая, — вижу, ничего не забывается.

А два гнѣвныхъ демона, слуги судныя, взяли душу и мучили.

— Кто судія и кто свидѣтельствуешь?

— Судія — Авель, а свидѣтельствуешь Енохъ, учитель небесный и книгочій праведный. По-

ставилъ его Господь записывать беззаконія и правду каждому.

— А можетъ ли Енохъ по жалости душу выгородить?

— Невозможное! Не отъ себя Енохъ свидѣтельствуеть, Господь свидѣтельствуеть. Взмолился Енохъ къ Богу: „Не могу душамъ свидѣтельствовать, да никому не буду въ тягость!“ И сказала Господь: „Повелѣваю тебѣ, пиши грѣхи въ книги и да обличится всякая душа дѣлами своими и получить по дѣламъ своимъ!“

И облакъ понесъ Авраама съ мѣста суднаго на твердь.

Посмотрѣлъ Авраамъ на землю и какъ ясно ему скрытое тамъ отъ глазъ человѣческихъ и какая ложь, и какое предательство, и какой обманъ, какая низость душевная, нищета духа и безсовѣстье, все увидѣлъ онъ по всѣмъ земнымъ концамъ.

Онъ увидѣлъ обманщика: клялся человѣкъ человѣку, чтобы обольстивъ сердце клятвою, зло надругаться надъ сердцемъ увѣреннымъ.

— Да снидетъ огонь, — воскликнулъ Авраамъ, — и изожжетъ его!

И сошелъ огонь.

И увидѣлъ Авраамъ клеветника: хотѣлъ человѣкъ выгородить подлость свою и валилъ вину на невиновнаго.

— Да разверзнется земля, — воскликнулъ Авраамъ, — и поглотить его!

И потряслась земля.

И увидѣлъ Авраамъ челоуѣка лукаваго, вышедшаго на торжище обольщать словомъ души малыхъ сихъ.

— Звѣрь пустынный, — воскликнулъ Авраамъ, — приди, растерзай его!

И прибѣжалъ звѣрь пустынный и растерзалъ обольстителя.

И другія беззаконія и первое—безсовѣстность, недуманье, безжалостность, черствость сердца, подлость челоуѣческую Авраамъ нещадно каралъ.

И видя Господь, что, мало видя, погубилъ Авраамъ въ гнѣвѣ не мало изъ живущаго на землѣ въ горестномъ вѣкѣ семь, воззвалъ къ архистратигу:

„Верни Авраама на землю, погубить онъ живую тварь. Не онъ создалъ, не ему и карать. Азъ долготерпѣливъ, щажу созданіе мое и воздаю всякому по судьбѣ его.“

И по слову Господню вернулъ архистратигъ Авраама на трудную землю.

IV

И когда наступилъ послѣдній часъ, послѣднія минуты жизни, сказалъ Господь архистратигу:

„Укрась смерть безпощадную, пошли ее прекрасной къ другу моему, да не устрасить его, а будетъ нѣжна, какъ мать!“

И исполнилъ архистратигъ повелѣнное: цвѣтомъ моря и вечерней зари нарядилъ Михаилъ разлучницу, вдохнулъ въ ея гробную грудь свѣжесть росныхъ полей, пролилъ липовый медъ въ ея гиблый ядъ.

И она, горестная, она въ неземной красѣ, въ вѣнкѣ изъ пестрыхъ цвѣтовъ полей родныхъ, стала передъ другомъ Божиимъ, нѣжна, какъ мать.

Авраамъ поднялся въ тревогѣ.

— Кто ты?

И смутился духъ въ немъ.

— Я не для всѣхъ прихожу такая, — сказала смерть.

— Откуда вѣнокъ у тебя — поля мои родимыя!

— Нѣтъ никого изгнилъе меня! — шептала смерть.

Она все ближе подходила къ другу Божию.

Все ближе подходила послѣдняя земная минута жизни Авраама.

— Открой же, кто ты?

— Азъ есмь гробъ, азъ есмь плачь, азъ есмь пагуба.

— Имя твое?

Авраамъ опустилсѣ на землю.

Послѣднія силы жизни покидали его.

— А передъ другими какая ты? — спросилъ Авраамъ, онъ съ болью раскрылъ глаза и смотрѣлъ въ лицо смерти: больно было смотрѣть глазамъ.

— Му-у-у-ча-аю! — ощерилась разлучница и вѣнокъ полевой упаль къ ногамъ.

Авраамъ простеръ руки —

А смерть, какъ пустынный вихрь, столбомъ закрутилась надъ нимъ.

— Дѣла человѣка сплетаютъ вѣнецъ мнѣ, въ томъ вѣнцѣ я и явлюсь.

И цвѣтъ моря и заря вечерняя развѣялись.

И зашипѣла голова змѣвая.

— Я, какъ змѣя, я жалу и душу, пока не за-а-му-ча-аю!

И вдругъ ножи сверкнули на мѣстѣ головы.

— Я рѣжу, терзаю, пока не за-аму-ча-аю!

И пламя выпыхнуло изъ оскаленнаго рта и языками, какъ вѣнецъ, оплело пустую кость.

— Я палю, я жгу, пока не за-аму-ча-аю!

Авраамъ на одинъ мигъ открылъ глаза: вѣнокъ изъ пестрыхъ цвѣтовъ — поля родимыя! лежалъ на головѣ разлучницы. И нѣжныя руки закрыли ему усталые его глаза.

— Изъ всей твари, созданной Богомъ, я не нашла подобнаго тебѣ ни въ ангелахъ, ни въ архангелахъ, ни въ началахъ, ни во властяхъ, ни въ престолахъ. И во всѣхъ живущихъ на землѣ и въ водахъ нѣтъ подобнаго тебѣ. А когда ты появился на Божій свѣтъ, возсіяла на востокъ звѣзда и поглотила четыре звѣзды на четырехъ небесныхъ концахъ, и волхвы сказали царю, что родился человѣкъ и будетъ этотъ человѣкъ отцомъ народовъ. И царь давалъ за

тебя отцу твоему Фаррѣ золота и серебра, полонѣ домѣ насыпешь, но твоя мать Эдна не выдала тебя царю, сохранила тебя и три года вы тайно жили въ пещерѣ. И Господь благословилъ тебя, назвалъ тебя другомъ своимъ. И сдѣлалось имя твое велико по всей землѣ.

И стала она на колѣни, злая разлучница, смерть прекрасная, и пучкомъ полевыхъ любимыхъ цвѣтовъ — поля мои родимыя! — осѣняя съ головы до ногъ друга Божія, шептала напутствіе завѣтнымъ словомъ Божиимъ:

— И благословлю тебя и возвеличу имя твое, и будешь ты въ благословіе. Я благословляю благословляющихъ тебя, и проклинаящихъ тебя проклянута, и благословятся въ тебѣ всѣ племена земныя. Я щить твой. И награда твоя велика.

И Авраамъ, какъ во снѣ, предалъ духъ свой.

И ангелы понесли душу его на вѣчный покой.

А тѣло похоронилъ Исаакъ въ пещерѣ Махпелѣ на полѣ Ефрона, славя Бога всевышняго.

1915 г.

ЦАРЬ СОЛОМОНЪ

Въ Божьемъ градѣ въ Иерусалимѣ былъ великъ царь и благочестивъ — царь Давидъ. Состарѣлся царь, а дѣтей нѣтъ.

Взмолился царь Давидъ къ Богу: нѣтъ ни сына, ни дочери, некому послѣ его царствованія въ Иерусалимѣ царствовать!

И услышалъ Богъ молитву: родила царица Вирсавія сына — царя Соломона.

И былъ Соломонъ прекрасенъ и мудръ.

Воспитывалъ царевича дядька Очкила, вѣрный и добрый слуга царскій. Днемъ царевичъ съ Очкилой, на ночь у матери, у царицы Вирсавіи.

И случилось, лежитъ разъ Соломонъ: не спится. Потушила свѣтъ, улеглась царица Вирсавія. И слышитъ Соломонъ, будто кто-то вошелъ въ палаты. Приподнялся съ кровати — отъ лампадъ все видно: мужикъ. А это другъ ея любезный Мурашь пришелъ, мужикъ посадскій.

— Ты мнѣ любя и мила и всегда я радъ быть съ тобой, только боюсь я твоего паршонка, царя Соломона : стану тебя цѣловать, а онъ такъ въ глазахъ у меня и стоитъ.

— Ахъ, любезный другъ, если ты боишься Соломона и изъ-за того только не можешь со мною быть, я его хоть сейчасъ — я ему дамъ смертную отраву.

И успокоила царица дружка.

Осмѣлѣлъ дружокъ.

Тутъ царевичъ соскочилъ съ кровати.

— Мужикъ ты несытый, — закричалъ на Мураша, — не по себѣ виноградъ щиплешь, садъ батюшкинъ крадешь, чужое поле пашешь и на краденой кобылѣ ѣздишь !

Да изъ палатъ къ дядкѣ къ Очкилѣ, да на койку къ старику, — на смерть перепугалъ.

— Что такое, что, царевичъ ? Приснилось тебѣ ? Или тебя няньки прогнѣвали ?

— Ой, сбережатый мой дядька, страшное привидѣніе мнѣ во снѣ было : привидѣлось мнѣ, вошелъ въ палату звѣрь лютый и сталъ матушку мою кусать. Встрепенулся я и увидѣлъ, лѣсной звѣрь медвѣдь вошелъ въ конюшню, сѣлъ на любимаго царскаго коня и ну по конюшнѣ ѣздить.

Очкила по старости лѣтъ и неопытности своей житейской ничего не понялъ ; и какіе такіе медвѣди и при чемъ конюшня ?

— Ты, царевичъ, на ночь о медвѣдяхъ не думай, они тебѣ и не будутъ сниться.

На утро Соломонъ, какъ всегда, занимался до обѣда съ дядькой Очкилой, а послѣ обѣда къ отцу пошелъ, къ царю Давиду.

— Батюшка, — сказалъ Соломонъ, — отгадаешь-ли, что я тебѣ скажу? Насадилъ царь виноградъ и всѣ дерева виноградника цвѣли, а плода на нихъ не было. А цвѣло въ виноградникѣ одно дерево пышнѣе всѣхъ, и очень берегъ его царь, и это дерево принесло плодъ — червленое яблоко. Положилъ царь яблоко на золотое блюдо, день смотритъ на яблочко да любитъся, на ночь въ золотой ларецъ кладетъ. И, однажды, когда сторожа виноградника уснули, вскочилъ въ виноградникъ смердящій скотъ козель и прогрызъ любимое царское дерево.

— Мудра твоя рѣчь! — сказалъ царь Давидъ: тоже мало чего понялъ.

А царица Вирсавія Мурашу въ угоду только и ждала случая извести мальчишку.

Въ ночь уѣхалъ царь Давидъ на охоту. Ночью притащился Мурашъ къ царицѣ. Шушукались. И велѣла царица Мурашу обойти тайно Иерусалимъ, отыскать отрока, похожаго на Соломона, и привести его къ ней немедленно.

Мурашъ радъ-радехонекъ, смекнулъ мужикъ и ждать себя не заставилъ: чуть только свѣтъ,

ужь вернулся, ведеть кузнеченка, ровесника Соломону.

Царица тайно Очкилу :

— Послушай, Очкила, сослужи мнѣ вѣрную, царскую службу: возьми ты моего сына царевича Соломона, поди съ нимъ на теплое море, заколи его на берегу моря, вынь изъ него сердце, испеки сердце, принеси ко мнѣ, а тѣло — въ море.

Перепугался старикъ.

— Матушка, государыня, царица, помилуй царевича, и меня, раба своего! Провѣдаетъ царь Давидъ, велить меня казнить горькою смертию.

— А! Не хочешь? Все равно, наговорю царю, будетъ тебѣ горькая смерть.

— Единороднаго сына велишь предать смерти.

— Не сынъ онъ мнѣ, паценокъ, а супостать! Знать не желаю. Есть у меня сынъ избранный: будетъ при старости моей питатель и по смерти душѣ моей поминокъ, — и вывела кузнеченка, — вотъ сынъ мой Соломонъ!

Очкила поглядѣлъ на кузнеченка : куда!

— Матушка государыня, читалъ я въ старыхъ книгахъ, написано : не рожденъ — не сынъ, не окупленъ — не холопъ, а вспоя, вскормя, ворога не видать.

— Слушай, Очкила : жизнь или смерть ?

Поклонился Очкила и пошелъ, — едва въ дверь попалъ.

Встрѣчу царевичъ.

— Что ты плачешь, сбережатый мой дядька?

— Какъ мнѣ не плакать, царевичъ, я и сказать не смѣю.

— Говори, дядька, ничего!

— Ахъ, царевичъ, грозила мнѣ матушка твоя царица Вирсавія горькою смертью. „Выбирай, говоритъ, Очкила, жизнь или смерть горькая?“ Велѣла тебя свести на теплое море, заколотъ, вынуть сердце, испечь сердце и ей принести, а тѣло — въ мо-оре!

— Воля матушки: что хочеть, то дѣлаеть. Не тужи, дядька, жить будемъ.

Мѣшкать нечего, взявъ Очкила старый свой ножъ, съ нимъ на охоту когда-то съ царемъ Давидомъ ходилъ. И пошли. Впереди царевичъ, сзади Очкила. Старикъ и шапку надѣтъ забылъ; не смѣеть онъ воли царской послушаться и царевича больно жаль.

И увязалась за ними собаченка Ритка — слизалъ сметану, хватились, вырвался, да бѣжать. На волѣ весело: игрался Ритка.

Дошли до моря. Пустынный берегъ. Теплое море. Море.

И говоритъ царевичъ Очкилѣ:

— Не убивай меня, сбережатый мой дядька, ты возьми вмѣсто меня Ритку, заколи, вынь сердце, испеки, снеси моей матери, а я пойду куда глаза глядятъ. Вернусь или никогда не вернусь, — судьба!

Старикъ радъ и боится старикъ : что онъ царицѣ-то скажетъ ?

— Принесешь царицѣ Риткино сердце, скажи, закололъ, молъ, сына твоего Соломона, сердце вынулъ, испекъ, а тѣло — въ море.

Попрощался царевичъ съ Очкилой, пошелъ по берегу теплаго моря куда глаза глядятъ.

Остался на берегу Очкила да собаченка.

Ужъ и намучился бѣдняга : гонялся, гонялся за собаченкой — не понимаетъ, играетъ, не поддается Ритка. Насилу-то сграбасталъ, прищемилъ межъ колѣнъ, за уши держитъ, какъ зайца.

А Ритка почуялъ свою смерть, не лаесть, а только смотреть, точно говорить, смотреть :

„Сбережатель дядька, не рѣжь ! Ну, что-жь, слизалъ я сметану, ну, накажи. Не рѣжь меня, сбережатель дядька !“

Очкила за ножъ.

— Глупая, ничего то ты не понимаешь !

Ритка амкнулъ — и готово.

Вынулъ старикъ сердце, сердце все бьется — глупое, не понимаетъ ! — развелъ огонекъ, на угольяхъ испекъ сердце, и скорѣе домой.

Смеркалось, вернулся Очкила къ царицѣ.

Царица не можетъ усидѣть на мѣстѣ.

— Гдѣ, гдѣ сердце ?

Очкила положилъ передъ ней комочекъ — Риткино сердце.

— Заколось твоего сына, царевича Соломона, сердце вынулъ, испекъ, а тѣло — въ море.

Царица ухватила сердце.

— О, люто! о, злое! — ѡла царица глупое Риткино сердце.

Вернулся царь Давидъ съ охоты, много зайцевъ привезъ — удалась охота. Отдохнулъ царь, послалъ за Очкилой: привести къ нему сына Соломона.

Оторопѣлъ Очкила, къ царицѣ:

— Матушка государыня, царь къ себѣ царевича требуетъ!

— Поди, скажи царю: сынъ, молю, твой боленъ, мозгъ его взбунтовался.

Пошелъ Очкила къ царю, сказалъ царицино слово.

— Мозгъ его взбунтовался.

Царь Давидъ съ престола да бѣгомъ къ царицѣ. А у царицы на постели кузнеченокъ лежитъ, еле дышитъ отъ страха.

Взялъ его царь къ себѣ на руки — не узнать царевича.

— Милый сынъ мой, — заплакалъ царь — погибъ я. Мудрость словъ твоихъ помутилась, рѣчистый языкъ заградился, очи погасли. Нѣтъ мнѣ радости, нѣтъ упованія, печаль пришла на меня.

И оставилъ царь кузнеченка у царицы, самъ облекся въ черныя ризы, наложилъ на себя

постъ великій — помиловать-ли Богъ сына, вернуть-ли разумъ? — и многую милостыню роздалъ ради сына, царевича Соломона.

Пустынный берегъ. Теплое море. Море.

Пустыннымъ берегомъ шель Соломонъ. Стало смеркаться, показалась дорога, пошелъ по дорогѣ и привела его дорога въ египетскую деревню.

На гумнѣ молотилъ старикъ рожь и съ нимъ три сына.

Присѣлъ Соломонъ на ржаной ометъ.

Старикъ съ сыновьями отмолотилъ хлѣбъ.

— Любимыя дѣти мои, старъ я и мать ваша при смерти, — сказалъ старикъ, — хочу раздѣлить имѣніе мое, чтобы по смерти моей межъ вами злобы не было. Есть у меня золото и серебро — первая доля, есть скоть и кони — вторая доля, есть хлѣбъ — доля третья. Кто скажетъ мнѣ цѣну золота и серебра и отъ чего сотворены, тому казна моя, а кто скажетъ, который конь честнѣ всѣхъ, и съ которой скотиной человекъ разговариваетъ и въ которую входитъ и спитъ, тому мои кони и скоть, а кто скажетъ, сколько въ которомъ хлѣбѣ зеренъ, тому весь хлѣбъ.

Выслушали дѣти отца, а отвѣта не умѣютъ дать. Стоять, опустили цѣпы. А который по-

моложе, отошелъ къ омету, гдѣ сидѣлъ Соломонъ.

— Что ты печальный такой ?

— А какъ мнѣ не печалиться ! Отецъ раздѣлилъ намъ свое имѣніе : казну, коней и хлѣбъ, — что кому достанется. Мудрую задалъ загадку, надо мудрый отвѣтъ дать, да ничего не придумаемъ.

— Пустяки ! Я все слышала. Могу на все отвѣтить.

И взмолился стариковъ сынъ къ Соломону :

— Помилуй насъ, троихъ братьевъ, дай отцу мудрый отвѣтъ, раздѣли насъ !

— Хорошо. А можете ли вы назвать меня большимъ братомъ ?

Стариковъ сынъ пошелъ сказать братьямъ. Братья согласны. И повели они Соломона въ домъ.

— Вотъ нашъ большій братъ !

Старикъ сталъ спрашивать Соломона, откуда онъ и кто его отецъ и мать ?

— Я изъ Божьяго града Іерусалима, отецъ мой пѣвецъ, мать блудница. Отецъ по горло сидитъ въ водѣ, проситъ пить, а напиться не можетъ.

Подивился старикъ отвѣту.

— Ну, садись, сынъ мой.

Сѣли за столъ, поужинали.

И сказала Соломонъ старику :

— Мудро ты повѣдалъ своимъ дѣтямъ о имѣніи, только не могутъ они отвѣтить тебѣ. Я за нихъ. Первое: золото и серебро. Золото отъ царскихъ очей, золото — украшеніе и честь. Серебро — отъ звѣздъ, серебро — непорочный вѣнецъ. Такъ оно есть. А стало отъ неправды мздой — однихъ богатить, другихъ разоряетъ, одного ведетъ на татьбу, другого на обманъ. Вторая загадка о конѣ и скотѣ. Человѣкъ говоритъ съ конемъ, а покоряются кони коню-осляти, онъ всѣмъ конямъ голова. Скотина же, въ которую входитъ человѣкъ — овнъ: шуба, шапка, рукавицы, — все изъ овчины. А на которой скотинѣ спитъ человѣкъ — мякинная птица гусь: изъ перьевъ подушка и перина. Третья загадка о хлѣбѣ. Счетъ хлѣбу — зубы: сколько человѣкъ откусить — сколько зеренъ въ куску, постольку и пожуетъ. Вотъ и все. Киньте жребій, кому что будетъ.

Братья кинули жребій и досталось: старшему — хлѣбъ, среднему — казна, младшему — кони и скотъ.

И сказалъ Соломонъ:

— Большой братъ, ты будешь хозяинъ, а ты — купецъ, а ты — солдатъ. Всѣ вы будете счастливы, только помните: живите смиреніемъ, не воровствомъ, не клеветой.

— У меня есть двѣ дочери, — поклонился старикъ, — а имъ, которая кому чьей женой будетъ?

Туть вошла старуха, а за ней Дуня и Соня.

И сказалъ Соломонъ.

— Дуня — попадья, Соня — губернаторша.

Стали старики на колѣни :

— Скажи имя твое ?

— Соломонъ.

— Будь же Соломонъ нашъ наставникъ.

— Я буду пасти вашъ скоть.

И остался Соломонъ у стариковъ жить въ ихъ египетской деревнѣ.

Днемъ скотину пасеть, вечеромъ съ ребятами судить суды.

И о судахъ его шла молва — во всей все-ленной не было отъ вѣка мудрѣе отрока — молва шла отъ Египта, дошла до теплаго моря, а отъ моря до Божьяго града Іерусалима, до царя Давида.

Смущаль царя Давида кузнеченокъ. Затѣеть съ ребятами игру, понадѣлають молотковъ деревянныхъ, примутся на стулѣ ковать. Только и игры, что кують.

И раздумался царь Давидъ : да сынъ ли его этотъ самый кузнеченокъ ? А туть молва изъ Заморья о премудромъ отрокѣ въ Египтѣ. Не его ли это сынъ Соломонъ въ Египтѣ ? Тоже кузнечиха зачѣмъ-то на кухнѣ торчитъ. Нѣтъ ли туть подмѣны какой ?

Призвалъ царь Давидъ Очкилу.

— Скажи мнѣ, Очкила, всю правду о моемъ сынѣ, о Соломонѣ. Вижу, не сынъ мнѣ этотъ мальчишка. Гдѣ мой сынъ Соломонъ?

Не устоялъ Очкила, во всемъ царю повинился.

— Согрѣшилъ я, достоинъ смерти.

И рассказала старикъ о царицѣ Вирсавіи, какъ задумала царица погубить сына, и о тепломъ морѣ, гдѣ Очкила зарѣзалъ собаченку Ритку, и о печеномъ глупомъ Риткиномъ сердцѣ.

— А откуда взялся кузнеченокъ и куда пошелъ царевичъ, про то я ничего не знаю.

— Отыщешь мнѣ Соломона, живъ будешь, не отыщешь — смерть.

И велѣлъ царь Давидъ Очкилѣ, захватя съ собой золотую карету, да людей смышленныхъ, немедля ѣхать въ Заморье.

— Не отыщешь царевича — смерть.

Услышала царица Вирсавія, что Соломонъ живъ, и Очкила поѣхалъ за нимъ въ Египеть, очень испугалась и рѣшила избавиться отъ кузнеченка. Долго не думая, подсыпала она мальчишкѣ въ гурьевскую сладкую кашу съ сахаромъ горькаго яду, кузнеченокъ Богу душу и отдалъ.

А посадскій мужикъ Мурашъ, другъ ея сердечный, въ страхѣ передъ Соломономъ, залѣзъ въ царицынъ гардеробъ, тамъ и удавился.

*

Какъ велѣлъ царь Давидъ, такъ Очкила и сдѣлала: подобравъ товарищей помышленнѣй, да захватя золотую карету, пустился на поиски: „Не отыщешь царевича — смерть!“ И много городовъ объѣхалъ, плуталъ по пустынь — горя-то, горя натерпѣлся, волоча по пескамъ золотую карету, — а нигдѣ не могъ найти царевича Соломона. Отчаялся старикъ, повернулъ-было къ дому — къ смерти своей. „Не отыщешь царевича — смерть!“ И попалъ въ эту самую египетскую деревню, гдѣ стоялъ Соломоновъ сплетень-городъ и за городомъ паслись стада Соломона.

Съ перваго же слова наговорили Очкилѣ столько всякихъ чудесъ о премудромъ отроцѣ и о его судахъ, сомнѣнiя не было, что отрокъ и есть царевичъ. А чтобы еще не вышло какого обмана, рѣшилъ Очкила тайно испытать, правда это или неправда. Тайно подступилъ Очкила подъ Соломоновъ городъ.

Пришла къ Соломону корова. Жаловалась корова на быка за обиду: выбилъ быкъ изъ коровы теленка.

— Заступись, накажи, царь, быка. Бычокъ мой погибъ! — мычала Касатка.

И скликнулъ Соломонъ быковъ и коровъ изъ стада. И судилъ Касатку съ быкомъ. И присудилъ быка къ казни: ухватилъ за рога и къ столбу.

Избодали, изтерзали быки Буя — простилъ его Соломонъ. И пошли всѣ быки и коровы назадъ въ поле.

Тутъ вышелъ изъ своего тайника Очкила.

— Признаешь ли, царевичъ, сбережатаго дядьку! — да въ ноги.

Какъ не признать.

— Очкила!

Обрадовался Соломонъ, сталъ спрашивать старика о Божьемъ градѣ Иерусалимѣ, о царѣ, о царицѣ.

Разказалъ Очкила о домѣ, о кузнеченкѣ и какъ съ золотой каретой плуталъ по пустынѣ, сколько горя натерпѣлся.

— Царь за тобой послалъ: велѣно тебя отыскать! — не отыщу — смерть мнѣ.

А Соломонъ подумалъ и говоритъ:

— Скажи царю Давиду: сынъ его, Соломонъ, живъ и въ третье лѣто будетъ въ Иерусалимѣ, а явится въ тайнѣ.

И какъ ни упрашивалъ Очкила сейчасъ же съ нимъ домой ѣхать, Соломонъ не отступилъ отъ слова.

Такъ и вернулся Очкила одинъ къ царю Давиду и золотую карету пустую привезъ.

— Въ третье лѣто вернется царевичъ, а явится въ тайнѣ.

Въ тотъ же день простился Соломонъ съ товарищами и съ названными братьями и со

старикомъ и со старухой и поѣхалъ изъ Египта въ богатую Индію къ красному царю Пору.

За красоту лица, за мудрость полюбился Соломонъ царю Пору. Царь оставилъ его при себѣ. И вельно было Соломону быть у царицы въ кравчихъ.

А Порова царица души не чаяла въ Соломонѣ.

Подарила царица Соломону золотой царскій перстень своего мужа. И Соломонъ жилъ съ нею, какъ мужъ. И еще дала ему царица три камня самоцвѣтныхъ: въ ночи, какъ свѣчи горятъ, днемъ сіяютъ, какъ солнце. И много всякой казны — золота, серебра и дорогихъ парчей.

И какъ прошло три года, Соломонъ снарядилъ корабль и съ богатствомъ своимъ тайно отплылъ на теплое море въ Божій градъ Іерусалимъ.

— Гость-заморянинъ изъ богатой Индіи съ дорогими товарами! — пошло по Іерусалиму, дошло до царя.

Царь Давидъ велѣлъ явиться гостю.

А царица Вирсавія послала на корабль своихъ сѣнныхъ прислужницъ смотрѣть товары. Показалъ имъ Соломонъ самоцвѣтные камни. Захо-

тѣлось царицѣ самой посмотреть на камни. Прислужницы передали Соломону.

И въ назначенный день Соломонъ отъ царскаго стола прошелъ къ царицѣ.

— Слышала я, — сказала царица, — у тебя на кораблѣ есть самоцвѣтные камни.

— Есть, царица, три камня.

— Въ ночи, какъ свѣчи горять, днемъ сіяють, какъ солнце? Продай мнѣ!

— Одинъ камень царю Давиду, другой я оставлю себѣ.

— Продай мнѣ!

— Третій тому, кто проведетъ со мной ночь.

Соломонъ вынулъ самоцвѣтные камни — три камня: въ ночи, какъ свѣчи горять, днемъ сіяють, какъ солнце.

Царица схватила его руку.

— Гость-заморянинъ, я согласна.

Соломонъ затаился.

— Гость-заморянинъ, или жаль тебѣ камня? — и повела его за собой.

Соломонъ шель за царицей, не подымая глазь.

— Чего ты боишься?

Ни слова — —

И обняла его царица и, цѣлуя, сѣла съ нимъ на свой одръ.

Безотвѣтно — —

Царица взяла его руку — и себѣ на грудь.

— Гость-заморянинъ . . .

— Я ею вскормленъ, — сказала Соломонъ.

Царица подвинула руку къ чреву.

— Гость-заморянинъ . . .

— То мой теремъ, — сказалъ Соломонъ, вскочилъ и горько заплакалъ, — мать моя, я не гость-заморянинъ.

Или поняла? Встрепенулась царица.

— Не гость-заморянинъ, я твой сынъ.

Да такъ и осталась. Слышала-ль что или не слышала? Видѣла или не видала?

— Я Соломонъ, твой сынъ, царевичъ.

Царевичъ обнялъ мать, сѣлъ съ нею. И, обнявшись, они сидѣли. Царевичъ разсказывалъ о чудесахъ, о богатой Индіи, о царѣ Порѣ.

Сѣнныя прислужницы заглянули въ царицыну палату звать царицу чай пить, да скорѣе на попятный. Шепнули царскимъ лакеямъ. Облѣпили лакеи скважину — то-то удовольствіе хамскому сердцу! — донесли Очкилѣ. Провѣрилъ Очкила: въ самомъ дѣлѣ, сидитъ царица обнявшись съ гостемъ. Очкила къ царю.

Не вѣрилъ царь Давидъ Вирсавіи царицѣ, только виду не показывалъ. А тутъ, какъ обухомъ хватило. Съ мечомъ, не помня себя, вбѣжалъ царь къ царицѣ.

— Царь! Я не гость-заморянинъ! — сталъ Соломонъ.

Царь размахнулся, — Богъ знаетъ, чего бы надѣлалъ.

— Батюшка, я сынъ твой, Соломонъ.

И силы оставили царя: онъ упалъ и лежалъ распростертый, какъ мертвъ. А когда очнулся, возопилъ къ Богу, благодарилъ за сына, что спасъ, вернулъ его въ домъ.

И была радость въ царскихъ палатахъ.

Велѣлъ царь по городу народъ кликать на поклонъ царевичу Соломону.

И весь Божій градъ сошелся съ дарами.

Царь Давидъ посадилъ Соломона на свой царскій престолъ, далъ въ руки скипертъ.

— Радуйся, царь Соломонъ!

— Радуйся, царь Соломонъ!

И была радость по всему Божьему граду о царѣ Соломонѣ.

*

Сказалъ царь Давидъ Соломону:

— Есть у Волота, царя цареградскаго, дочь царевна Милена: будетъ она тебѣ женою.

Соломонъ слышалъ о прекрасной цареградской царевнѣ, полюбилось ему царское слово.

Былъ посланъ въ Царьградъ дядька Очкила по царевну. Поѣхалъ старикъ въ Царьградъ, привезъ царевну. И повѣнчался царь Соломонъ съ царевной Миленой. А послѣ вѣнца послалъ Соломонъ царю Пору его царскій перстень. И стали они жить и быть въ любви.

Опечалился красный царь Поръ: обманулъ его Соломонъ, обманула жена. Удалилъ онъ отъ себя жену свою царицу. И задумалъ отмстить царю Соломону.

Устроилъ царь громкій пиръ, собралъ князей, вѣрныхъ слугъ.

Сказалъ на пиру красный царь:

— Кто достанетъ мнѣ жену у царя Соломона? Хочу отмстить царю.

До трехъ разъ обращался царь и никого не нашлось, — одинъ царю отвѣтъ:

— Царь Соломонъ мудръ, не отнять у него царицы-жены.

А былъ у царя служитель Гусюкъ, хитрый человекъ. И говоритъ Гусюкъ царю:

— Я могу достать тебѣ царицу, дай только мнѣ корабль, дай мнѣ золота-серебра, дай мнѣ твои жемчужныя перчатки. Я привезу тебѣ царицу, жену царя Соломона.

Царь Поръ Гусюка уважилъ: снарядилъ ему богатый корабль, далъ свои жемчужныя перчатки. И отплылъ Гусюкъ на теплое море въ Божій градъ Іерусалимъ.

Весь Іерусалимъ собрался на берегъ. И удивлялись индѣйскому кораблю.

Царя Соломона не случилось въ Іерусалимъ. Задумалъ царь строить великую Божию церковь — храмъ Соломоновъ, учился царь небес-

нымъ и подземнымъ наукамъ. Въ Иерусалимѣ оставалась одна царица Милена. Скучно было оставаться одной царицѣ, — все одна.

Донесли царицѣ Миленѣ, что среди товаровъ есть на индѣйскомъ кораблѣ жемчужныя перчатки.

— Ничѣмъ рукамъ, царю да царицѣ носить.

Царицѣ захотѣлось этихъ перчатокъ. Пошла она на корабль.

Гусюкъ разложилъ передъ ней товары, вынулъ жемчужныя перчатки.

— Отъ краснаго царя Пора.

— Почему называешь царя краснымъ?

— Нѣтъ никого краше царя Пора.

— А есть у краснаго царя царица?

— Была царица, теперь нѣтъ: обманула она царя съ царемъ Соломономъ. Царь ищетъ себѣ невѣсту.

— Я иду за вашего краснаго царя Пора!

— Я отъ него за тобой и посланъ.

— А какъ же мнѣ уйти отъ Соломона: мудръ царь Соломонъ.

— Это дѣло я сдѣлаю.

— Царь Соломонъ всюду настигнетъ.

— Я тебѣ дамъ забыдущаго зелья: тѣло твое обомретъ, мертвую увезу тебя къ царю Пору. Потомъ оживешь.

Царица Милена согласна: она выпьетъ забыдущаго зелья.

Гусюкъ далъ ей забыдущаго зелья и наказаль, какъ принять порошки, и черезъ какой срокъ будутъ дѣйствовать, чтобы готову быть.

Вернулся царь Соломонъ, а Милена мертвая лежитъ. И лица на ней нѣтъ, сама свернулась, какъ заяць, — мертвая Милена.

Затужилъ Соломонъ, заметался. А ничѣмъ не можешь. Сказали, изъ Индіи гость — хитрый человекъ. Зваль Гусюка, просиль помочь. Гусюкъ отказаль.

— Что рождено, помреть.

— Что рождено, то страждеть!

Не хотѣлъ Соломонъ вѣрить, — а что если жива? Послѣдняя надежда: онъ раскалилъ желѣзо и клещами прожегъ царицѣ руку. Не пошевелинулась.

— Что рождено, помреть.

— Что рождено, то страждеть!

Обрядили царицу невѣстой, положили въ жемчужный гробъ, вынесли гробъ въ бѣлую церковь, поставиль царь стражу. Самъ ходиль всякій день въ бѣлую церковь, тужиль надъ царицей.

На третій день въ канунъ похоронъ, въ ночь, подкарауливъ, когда Соломонъ вышелъ изъ церкви, навель Гусюкъ на сторожей мертвый сонъ, проникъ въ церковь, да и былъ таковъ.

Утромъ прибѣгаетъ Очкила къ царю:

— Царица пропала!

Ударилъ царь Соломонъ о землю, соколомъ полетѣлъ подъ облаками — и не нашель ца-

рицу, обернулся лютымъ звѣремъ, пустился по полямъ и пустынямъ — нѣтъ царицы, нырнулъ щукой въ море — и въ морѣ нѣтъ.

И былъ печалень царь.

Молодящимъ зельемъ оживилъ Гусюкъ царицу. Живая невѣстой спѣшила царица Милена къ красному царю Пору. Плылъ корабль по морю быстрѣе вѣтра.

И была радость въ богатой Индіи у краснаго царя Пора.

Дни идутъ. Печалень Соломонъ, забыть не можетъ.

И вотъ пріѣзжаетъ посоль отъ царя Пора съ письмомъ.

„Братъ Соломонъ, ты взялъ мой перстень и жену-царицу, теперь мой чередъ“.

Собралъ Соломонъ войско, пошелъ на царя Пору.

Переплыли теплое море и сталъ царь съ войскомъ подъ городомъ въ скрыти.

— Стойте, ждите, слушайте: протрублю въ первый разъ — сѣдлайте коней; протрублю во второй разъ — садитесь на коней, въ третій разъ затрубить труба — спѣшите! Не услышите третьей трубы — поѣзжайте домой.

Соломонъ сбросилъ съ себя царское платье, обрядился каликой. Нищимъ каликой пере-

хожей одинъ пошелъ въ Поровъ бѣлокаменный городъ.

Золотыми куполами горѣлъ бѣлокаменный городъ.

Громко сказалъ Соломонъ подъ окнами царицы:

— Дай каликѣ перехожей милостыню ради краснаго царя!

Признала Милена, велить привести калику въ палату.

— Дай каликѣ перехожей милостыню ради краснаго царя!

— Царь Соломонъ, ты зачѣмъ?

Тихо сказалъ Соломонъ:

— Чѣмъ прельстилъ тебя красный царь?

— Царь Соломонъ, тебѣ живому не быть.

— Я пришелъ за твоей красотой.

— Царь Соломонъ...

— Неудержимаго не удержишь.

— Царь Соломонъ, смерть идетъ.

Разсмѣялся Соломонъ:

— Его смерть.

— Царь Соломонъ...

И напала на царицу тоска.

Каликой нищимъ стоялъ передъ ней царь Соломонъ.

И билось сердце — два сердца, какъ одно.

Царь Поръ приближался къ царицыной палатѣ, — громомъ гремѣли шаги.

Милена открыла сундукъ, торопилась скрыть Соломона.

И, когда вошелъ царь Поръ, царица стояла одна. И не могла скрыть: вся душа полыхала.

— Я красный царь, ты краше меня! — и обнявъ, царь любовалъ царицу.

— Что ты любишь меня? — рванулась Милена, — царь Соломонъ пришелъ.

— Воронъ костей не собереть соломоновыхъ.

— Царь Соломонъ! — крикнула Милена.

И вышелъ царь Соломонъ, взявъ ее за руку.

— Моя жена.

— Была бы твоей, была-бъ въ твоёмъ царствѣ.

Соломонъ крѣпко держалъ руку царицы.

И билось сердце — два сердца, какъ одно.

— Какой ты хочешь смерти? — тихо сказалъ красный царь.

— Твоя царская воля.

— Я велю тебѣ голову снять, размечу по улицамъ, утоплю въ стоячей канавѣ или хочешь красную смерть?

— Дай мнѣ красную смерть!

И велѣлъ царь Поръ Гусюку на каменномъ мосту поставить на рѣкѣ три оселка — золотой, серебряный, да шелковый. Кликнулъ Гусюку заплечныхъ мастеровъ, живой рукой поднялась на мосту висѣлица.

Возвѣстилъ палачъ:

— Царская страшная грозная смерть поставлена краснымъ царемъ на царя Соломона.

Посадили Соломона на колесницу, повезли на каменный мостъ. Выѣхалъ царь Поръ и царица и съ ними весь міръ.

И, когда пріѣхали на каменный мостъ, ступилъ Соломонъ къ висѣлицѣ и поднялся на третью ступень.

— Красный царь, прикажи дать рогъ—трубить, любилъ я, бывало, въ рогъ трубить.

Палачъ подалъ серебряный рогъ.

И затрубилъ Соломонъ:

— Съдлайте коней, придите, друзья, къ царю своему!

И поднялся на шестую ступень.

— Красный царь, дай мнѣ еще разъ въ рогъ поиграть.

И еще жалобнѣй запѣла труба:

— Поспѣшайте друзья, не жалѣйте коней!

— Чего медлишь? Три петли. Выбирай по душѣ! — сказалъ палачъ.

Соломонъ взошелъ на послѣднюю седьмую ступень — за кремлевской стѣной, какъ желѣзный лѣсъ. И тихо заигралъ рогъ въ послѣдній разъ.

Зашумѣло, залязгало желѣзо, бросилось соломоново войско, оступило каменный мостъ: кого такъ, кого въ рѣку, — какъ помеломъ промело.

Очкила вскарабкался на помость.

— Здравствуй царь Соломонъ!

И сошелъ Соломонъ на землю.

А на мѣсто его красный царь, съ нимъ Гусюкъ и палачъ.

— Красный царь, горька твоя смерть!

— Премудрый Соломонъ.

И качались три петли на каменномъ мосту: золотая, серебряная, да шелковая.

А люди кричали — весь міръ:

— Здравствуй, царь Соломонъ!

Съ царской короной краснаго царя, съ любимой царицей Миленой вернулся царь Соломонъ изъ богатой Индіи въ Божій градъ Іерусалимъ царствовать да суды судить.

1916 г.

АПОЛЛОНЪ ТИРСКІЙ

Антіохъ, владѣтельный и многославуемый царь сирійскій, изъ всѣхъ царей храбръ и красенъ, повоевалъ множество царствъ и создалъ городъ во славу имени своего — Антіохію. Но выше башенъ неподступнаго города, выше царскаго имени, выше славы его была у Антіоха дочь — во всей поднебесной не найти по красотѣ равной — царевна Ликраса.

И когда померла царица, и остался царь съ царевной, вошла царю въ сердце мысль о красотѣ царевны: выше башенъ неподступнаго города, выше царскаго имени, выше славы его была красота царевны Ликрасы.

И царь не могъ утаить своей мысли.

Царевна хотѣла бѣжать отъ отца. Но какъ убѣжишь: днемъ и ночью стерегла ее царская стража.

Изумѣлый и неключимый смотрѣлъ царь, забывая царь, что царевна ему дочь.

— Лапландскіе волхвы предсказали... такъ оно, значить, выходитъ... — оправдываясь, путался царь.

— Ты побѣдилъ народы и не можешь справиться съ страстью! Истинное мужество не города покорять, а мысли и чувства. Пойдетъ о тебѣ злая слава...

— Пустяки, — обрадовался царь, — слава! Сначала-то, конечно, будутъ болтать и то, и се, а помаленьку все сгладится. Человѣкъ ко всему привыкаетъ.

Былъ у царя Антиоха стражъ первый, человекъ лисавый: и такъ, и сякъ закрутить можетъ и себя не забудеть, — Лукъ Малоубійскій. И велѣлъ царь этому Лукъ лисавому закупить въ Рядяхъ золотыхъ ковровъ и всякихъ шелковыхъ персидскихъ и китайскихъ поставовъ и, какъ запруть купцы лавки, чтобы скрытно отъ сторожей устлать отъ воротъ и до площади всю Ильинку: пускай царевна воочию убѣдится, до чего пуста всякая слава, а человекъ ко всему привыченъ.

Лукъ все исполнилъ по царскому слову.

Настало утро, потянулись со всѣхъ концовъ купцы на Ильинку, кто на конѣ, кто на своихъ, и все, какъ всегда, а какъ увидѣли, что за мостовыя, и уже не то, что на конѣ или итти, а по стѣнкѣ всякъ норовиль до лавки добратся, чтобы какъ сапогомъ не запачкать. И весь день только и было разговора, что о невидали и не-

слыханномъ дѣлѣ: такимъ добромъ устлать мостовую! Вѣсть разнеслась по городу, и побѣжалъ народъ, хотя издали поглазѣть, и такая была давка, какъ на крестномъ ходу. Прошла ночь, ковры не убираютъ, ковры какъ лежали, такъ и лежатъ, и уже на слѣдующее утро кое кто впопыхахъ, по мѣняльному дѣлу, и ногами наступилъ, а тотъ, смотри, сапожищемъ прошелся. А разговоръ, хотя все еще о коврахъ, но куда потише. Много еще и любопытныхъ, но опять же съ вчерашнимъ не сравнятся и не та торопъ: ковры на мѣстѣ, успѣется, всѣ увидятъ. Прошла еще ночь, настала третій день, ковры на мѣстѣ, а уже никто не смотритъ, — не замѣчаютъ! — кто на конѣ, кто на своихъ по коврамъ.

— Ты правъ.

— Я жъ говорилъ: человекъ новому дивится, а потомъ привыкаетъ.

— Да, но твоя воля будетъ памятна въ тысяча тысячъ родовъ. Лучше умру я.

Изумѣлый и неключимый смотрѣлъ царь, — забылъ царь, что царица ему дочь.

Въ воскресенье Ликраса шла отъ обѣдни. Солнечный лучъ игралъ на ея лицѣ. Царь увидѣлъ, и страсть, какъ пламя, пыхнула въ немъ, и онъ упалъ на землю. А вечеромъ въ тотъ день пришелъ онъ къ царицѣ — не убѣждалъ, не упрашивалъ — изумѣлый, взялъ ее силой.

И съ той поры, какъ съ царицей, жилъ царь тайно съ дочерью своей царевной.

II

Выше башенъ неподступнаго города, выше царскаго имени, выше славы его была красота царевны Ликрасы. И не могла красота такая укрыться отъ глазъ, какъ никуда не скроешь солнца, мѣсяца и звѣздъ.

И вотъ, со всѣхъ царствъ и земель цари и короли стали къ царю Антиоху сватовъ засылать по дочь его царевну Ликрасу.

Антиоху же такое совѣмъ не по-сердцу: выдать царевну замужъ — лишиться царевны, а безъ царевны ему ни царства, ни жизни не надо.

Отсталъ царь отъ ѣды и питья, не знаетъ, что и дѣлать. Опять же, коли и отказать, надо не какъ нибудь, а по-царски. А тутъ самъ царь Обезьяній князей своихъ обезьяньихъ съ дарами прислалъ — самъ Обезьяній царь навязывается въ зятя. А это ужъ совѣмъ не шутка.

И нашелся таки Антиохъ, на то и Антиохъ онъ, царь многославутой, — старался и Лукъ Малоубійскій, другъ его лисавый, — нашель Антиохъ лазейку: онъ и царевну не упустить, и отказъ будетъ соблюденъ съ честью.

— Чтобы было и другимъ неповадно! — лисиль передь царемъ Лукъ лисавый.

Вышелъ царскій извѣтъ: дочери своей царь никому не отдасть въ жены, только тому, кто его загадку отгадаетъ, а въ чемъ загадка, отъ царя — самолично, кто жъ не разгадаетъ, тому смерть.

Вотъ какой извѣтъ, не калачъ, не больно заманить.

Да охота пуще неволи — пошли цари да короли къ Антиоху.

И который явится, царь ему загадку. А какъ ее такую разгадаешь, другой, и не дуракъ, смекнетъ, да въ голову-то не приходитъ про такое — загадку-то царь про себя да про дочь свою царевну загадываль! — ну, и мнется несчастный, не знаетъ. Не знаешь? Готово — и голова долой.

Сколько этихъ самыхъ головъ знатныхъ царскихъ да королевскихъ несчастныхъ торчало на страхъ и орастку, счетъ потеряешь. Лукъ Малоубійскій въ угоду царю и для пущей торжественности никого не допускалъ, самъ собственноручно головы насаживаль.

Угодила голова и обезьянья, на дворцовыхъ воротахъ у всѣхъ на виду торчала обезьянья. Только царь Обезьяній Асыка очень осторожный, не самъ, а вмѣсто себя послалъ своего обезьяньего князя, ну, тотъ и попался.

Хорошо еще заурядъ-князь, не настоящій!

Сущее горе, вотъ и задумай жениться послѣ такого.

III

Тогда Аполлонъ, тирскій царь, слыша о красотѣ Ликрасы и неразгаданной загадкѣ Антиоха, о царскихъ и королевскихъ головахъ посѣченныхъ, раздумался: самому не испытавъ, какъ разберешь? — и рѣшилъ итти къ царю Антиоху, видѣть царевну, слышать царскую загадку.

Быль же Аполлонъ, тирскій царь, премудръ и прекрасенъ, и въ рыцарскихъ наукахъ мужественъ и храбръ.

Ближніе отговаривали Аполлона: загадка неразгаданная — самъ Обезьяній царь попался на удочку, стоитъ ли? Смерть неминучая.

Аполлонъ не послушалъ и выступилъ изъ Тира съ своимъ любимымъ войскомъ въ Антиохію.

Привѣтливо встрѣтилъ Антиохъ гостя: отецъ Аполлона былъ его старый другъ.

— Добро жаловать, тирскій царь!

— Я пришелъ слышать премудрость твою, — Аполлонъ поклонился царю, — а будетъ изволеніе твое, найду я любовь въ тебѣ, какъ сынъ, которому дочь свою, прекрасную царевну, дашь въ жены.

Царь потемнѣлъ.

— Тебѣ извѣстенъ нашъ царскій извѣтъ?

— Знаю. Не мало повинныхъ царскихъ головъ торчитъ у заставы! Я пришелъ къ тебѣ слышать твою загадку.

— Щажу твою юность ради отца твоего. Иди, ищи себѣ жену, гдѣ хочешь.

— Хочу знать твою загадку! — стоялъ Аполлонъ.

Царю стало жалко: такъ юнъ и прекрасенъ былъ тирскій царь, да и отца его вспомнилъ, стараго царя Лавра, давно это было, мѣнялись крестами, побратимы.

— Я ничего не слышалъ, ничего не знаю, у меня нѣтъ никакой загадки, иди, не спрашивай!

Аполлонъ не уходилъ.

И окостенѣлъ царь.

Аполлонъ ждалъ.

Окостенѣлъ царь.

— Тѣло мое ѣмъ, — залузѣлъ его голосъ, какъ желѣзная ржавь, — кровь мою пью, самъ есмь себѣ зять, отца дочь жадаеть, видѣтъ не улучаеть, жена мужа не видитъ и мужъ женѣ быть не можетъ.

Аполлонъ въ ужасѣ схватился за голову и увидѣлъ царевну: ровно темъ кругомъ, а она, какъ звѣзда. Тихимъ голосомъ спросилъ Аполлонъ:

— Какъ повелишь отвѣчать: тайно или въявь?

— Говори, какъ знаешь.

И наступила въ царскихъ палатахъ такая тишь, и только слышно, только чутко, какъ стукъ сердца, гулъ кольчужный.

— Тѣло свое ѣшь и кровь свою пьешь, ты взялъ себѣ женою родную дочь: ищетъ она мужа и не находитъ, — ты ей отецъ и мужъ; ищетъ она отца и не находитъ, — ты ей отецъ. Кровь на кровь.

На царскомъ мѣстѣ высоко тронъ костянь. На костяномъ тронѣ сидитъ царь костянь, подпершись костылемъ костянымъ: шляпа на головѣ его костяна, рукавицы на рукахъ его костяны, сапоги на ногахъ его костяны. Самъ царь костянь, и всѣ семьдесятъ и двѣ жилы его костяны, и станова я жила — кость.

— Ты лжецъ! — взъярился царь, и лицо его стало кроваво: такъ кроваво восхожее солнце въ пожаръ, кровавая грибная шляпка!

А о-бокъ бѣлая голубь поблекала денницей царевна.

Царь удалился, за нимъ Лукъ лисавый.

Въ притворѣ глазъ-на-глазъ.

— Что жъ мнѣ сказать?

— А скажемъ: загадку не отгадашь. И крышка.

— Развѣ такъ можно?

— Чего не можно! Для сволочи законы, а не для насъ.

— Онъ царской крови . . .

— Отложи до завтра, и пускай завтра придумаетъ новую разгадку. Понимаешь? Его никто не звалъ, самъ на рожонъ преть.

Царскія палаты. Царь, за нимъ Лукъ. Царь оправился. Зорко и отчетливо:

— Ты разгадай нашу загадку, да по-своему. Настоящая разгадка совсѣмъ не та. Погубилъ ты свою голову.

— Праведный царь, всѣ слышали. Правъ твой судъ, я готовъ.

И красный палачъ, какъ видѣніе, поднялся у трона, и на красномъ синій топоръ открылъ проваль.

Аполлонъ стоялъ передъ царемъ тонокъ, какъ стебель, глаза закачены.

— За красоту, ради отца твоего, — царь поднялся, — даю тебѣ сроку до утра: не отгадаешь, велю тебѣ голову отсѣчь, а тѣло псамъ.

И пошелъ царь, за царемъ Лукъ, за Лукой вся свита.

Аполлонъ вышелъ на волю. На душѣ его до страсти тосменно. Смерть неизбѣжна. Какую ни скажешь разгадку, для царя она будетъ не та. Смерть неизбѣжна. Есть одинъ только выходъ.

И положилъ Аполлонъ бѣжать отъ царя.

Въ первый сумракъ сѣлъ Аполлонъ на корабль и тайно съ войскомъ отплылъ въ своей родной Тирь.

Прошла ночь, а никому и въ голову не придетъ. По-утру ждатель-пождать, Аполлона нѣтъ.

Донесли царю:

— Аполлонъ, тирскій царь, сбѣжалъ!

Распалился царь. А ужь поздно: упустили.

— Онъ обезчестилъ наше царское имя.

— И всего народа! — ввернулъ Лукъ ливавый.

— Смерть ему! — топаль въ гнѣвъ царь.

И вышелъ царскій извѣтъ: тому, кто доставитъ живьемъ Аполлона, пять тысячъ, а тому, кто принесетъ его голову, сто тысячъ — тирскій царь обезчестилъ царя, а съ царемъ и народъ!

И какъ прочитали царскій извѣтъ, вся-то гадость наша, мурье и заиграло въ душахъ человѣчьихъ, и не только враги Аполлона — смѣшно отъ врага другого чего и ждатель! — а и друзья — эхъ, други, въ черный день за ломанный грошъ друзья предадутъ! — всѣ, кому только не лѣнь, пустились на выдумки, какъ бы такъ изловчиться изловить Аполлона и за то принять отъ царя честь и дары.

IV

Аполлонъ невредимъ вернулся въ Тирь. Собралъ ближнихъ и старѣйшинъ и повѣдалъ имъ гнѣвъ Антиоха.

— Не хочу ради себя губить васъ, — сказалъ Аполлонъ, — я лучше уйду.

И былъ твердъ, — силы не равны, царь въ отместку не оставитъ отъ Тира камня на камень, — не хотѣлъ Аполлонъ изъ-за своей ссоры съ царемъ губить народъ и сейчасъ же снарядилъ корабль, полонъ хлѣба, золота и серебра, и отплылъ изъ родного Тира въ безвѣстность.

А дня не прошло, пожаловалъ въ Тиръ самъ Лукъ Малоубійскій. Притворился лисавый другомъ Аполлона, тужилъ, что не засталъ царя дома, разспрашивалъ, куда поѣхалъ и долго ль проѣздить?

Но ничего ему никто не могъ сказать, — сами не знали.

Тогда клеветавый сбросилъ съ себя личину дружбы и объявилъ царскій извѣтъ великаго царя Антиоха.

— Тому, кто доставитъ живьемъ Аполлона, пять тысячъ, а тому, кто принесетъ его голову, сто тысячъ!

И золотой ядъ вошелъ и въ тирскія души.

Аполлонъ же, отплылъ въ безвѣстность, присталъ къ Тарсу, въ Тарсъ и остановился.

А былъ въ той землѣ голодъ: куль хлѣба цѣною въ восемь рублей продавали за тридцать восемь. Кто побогаче, еще не такъ чувствовалъ, а нашему брату плохо приходилось.

Видя такую бѣду, Аполлонъ открылъ свой корабль и велѣлъ за безцѣнокъ продавать

хлѣбъ. А когда повыбрали до послѣдняго зерна, велѣлъ возвратить деньги, чтобы не называли купцомъ.

И всѣ дивились щедрости Аполлона.

И, въ благодарность за такой царскій даръ, ваятель Даилъ высѣкъ изъ бѣлаго камня истукана — образъ Аполлоновъ, и поставили этого истукана на Марсовомъ полѣ, мѣстѣ игрищъ и веселья.

Аполлонъ шель по берегу моря.

Вотъ достигъ онъ первенства въ Тарсѣ, царь и народъ боготворятъ его. Но ему ничего не надо. И лучше быть ему послѣднимъ человѣкомъ, только бы вернуться въ Тиръ. Родной Тиръ, городъ его дѣтства, колыбель его желаній, тамъ все — земля, рѣчь и отъ дворца до лачуги, отъ собора до часовенки все за него. И никогда не вернуться!

Аполлонъ шель по берегу моря одинъ въ жальбѣ.

По морю съ родной стороны плыль корабль. Аполлонъ ничего не видѣлъ, погруженный въ свою жальбу. А съ корабля видѣли его — Елавкъ, старѣйшина тирскій, первый увидѣлъ Аполлона, вышелъ на берегъ, окликнулъ.

Аполлонъ глазамъ не вѣрилъ. Нѣтъ, не ошибся: передъ нимъ стоялъ Елавкъ.

— Ты въ большой бѣдѣ, царь!

— Какая же бѣда! Елавкъ, съ тобой весь мой вѣрный городъ.

— Вѣрный городъ... — Елавкъ поникъ.

— Что случилось?

Елавкъ разсказаль о царскомъ послѣ, о извѣтѣ царя Антиоха.

— Живьемъ пять тысячъ, за голову сто тысячъ.

— Я такъ и думаль.

— Да, но твой вѣрный городъ отравленъ: золото наострило и самый мирный мечъ. Какъ уберечься отъ соблазна? Сто тысячъ! Мнѣ разъ приснилось...

— Я тебѣ дамъ эти сто тысячъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣй бѣги отсюда. Теперь всѣ узнають. Больше нѣтъ о тебѣ тайны.

Елавкъ вернулся на корабль.

Корабль уплылъ.

На берегу Аполлонъ одинъ. Жальба острѣй. Вѣрный городъ! Нѣтъ у него дома, нѣтъ родины — кругъ смертный. И голова его, какъ факель. Куда бѣжать, гдѣ скрыться?

На утро Аполлонъ сѣлъ на корабль и тайно отплылъ изъ Тарса.

V

Десять дней плыль корабль плавно. И вотъ, возсталъ съ полночи вѣтеръ, взбилъ волны и взбурилось море.

Кораблемъ играли волны, какъ мячомъ.

Волна за волной — сестры волны — за сестрами мать. Пришла большая волна, подняла корабль. Воднымъ хлывомъ разорвало корабль.

И всѣ, кто былъ на кораблѣ, — ко дну.

И золото, и серебро, все погибло.

Аполлонъ ухватился за доску и плывъ. Съ волны на волну. Три дня и три ночи, куда волна. И прибило его волной къ Кипрской землѣ.

Рыбакъ слышитъ, кто-то кричитъ. Вышелъ посмотрѣть. И опять — человѣчій голосъ. Рыбакъ въ лодку. И выловилъ Аполлона. Повелъ къ себѣ въ избушку. Напоилъ, накормилъ. Время къ ночи — спать.

Переночевалъ Аполлонъ у рыбака. На утро говоритъ рыбакъ:

— Я тебя отъ смерти спасъ, ты мнѣ теперь рабъ.

Такъ и обратился Аполлонъ изъ тирскаго царя въ рыбакова раба.

Нарядился Аполлонъ рабъ въ рыбакову рвань. Славу Богу, хоть и такое нашлось — больно ужъ бѣденъ рыбакъ! — ждетъ Аполлонъ, чего велятъ: у раба своей воли нѣтъ.

— Отправляйся-ка, милый человѣкъ, въ городъ, — сказалъ рыбакъ, — пострѣляй, авось, на хлѣбъ наберешь. А полюбишься кому, съ

Богомъ! А не приглянешься, возвращайся назадъ. Какъ-нибудь проживемъ.

Поклонился Аполлонъ рабъ рыбаку и пошелъ со двора — сущій босякъ голодранъ.

Трудно непривычному-то руку Христа ради протягивать. Все утро бродилъ Аполлонъ по улицамъ, много было случаевъ, да языкъ не поворачивался. Такъ и ходилъ голодомъ.

По обѣдѣ вышелъ Аполлонъ на царскую площадь. На площади народъ глазѣть. Сталь протискиваться и втерся.

Царь кипрскій Голифоръ любилъ послѣ обѣда для разминанія членовъ играть въ разныя игры: собереть на площадь своихъ пажей и тѣшится до чаю.

Аполлонъ самъ большой любитель, а по ловкости первые призы бралъ. Игра занимала его, забылъ и голодъ.

Царь Голифоръ пустилъ мечъ. Аполлонъ на лету подхватилъ мечъ и поднесъ его царю Голифору.

Обратили вниманіе. Царь приказалъ узнать о немъ. Но какъ узнаешь? Кто-то сказалъ, что видѣли, какъ поутру шель какой-то голоштанъ въ городъ отъ рыбака. Отъ какого рыбака? Отъ Лукича. Сейчасъ за Лукичемъ. Привели старика.

— Кто такой?

— Утопльй.

И больше ничего.

Донесли царю Голифору: утопый.

Ну, не все ли равно, не въ этомъ дѣло, полюбился Аполлонъ за ловкость царю Голифору, и велѣлъ царь нарядить его въ дорогую одежду, а вечеромъ, чтобы явиться во дворецъ къ царскому столу.

— Вотъ, видишь, какъ повезло!

— Спасибо тебѣ, Лукичъ, вѣкъ не забуду.

— А и забудешь, я привыкъ! Ну, счастливо.

Лукичъ забралъ свою рвань и пошелъ изъ города къ морю по своей рыбной части, а Аполлонъ, нарядный, въ дорогомъ платьѣ, на вечеръ во дворецъ.

У царя Голифора былъ такой обычай: за ужиномъ царица танцевала передъ царемъ.

И такая она была нѣжная, Тахія царица, какъ начнетъ свои танцы нѣжные, заглядишься и о ѣдѣ забудешь, все бы только и глядѣлъ.

И этотъ вечеръ залюбовались гости на царицу — нетронутыя блюда уносили со стола царскіе лакеи, обжирались на кухнѣ до отвалу, поминали царицу, — и одинъ сидѣлъ недовольный, одинъ новый гость.

— Вотъ это танецъ! — толкнулъ сосѣдь Аполлона.

Аполлонъ ничего не отвѣтилъ. Да если бы и сказалъ что, никто бы ничего не услышалъ. Всѣ смотрѣли на царицу, ничего не замѣчали. Замѣтила одна царица и перестала танцевать.

— Что такое? Голова закружилась? — забеспокоился царь Голифоръ.

— Гость твой надо мною смѣется! — царица показала на Аполлона.

Царь къ Аполлону:

— Что нашель ты смѣшного въ царицѣ?

— Царица прекрасна! Я не смѣялся. Но я самъ танцую и ничего особеннаго не вижу въ танцахъ царицы.

Царь къ царицѣ:

— Не печалься, гость надъ тобой не смѣялся. Давай-ка заставимъ его показать свое искусство!

Царица успокоилась.

И по волѣ царя, звяцая на гусяхъ, сталъ Аполлонъ.

И всѣ дивились игрѣ. А когда Аполлонъ, оставивъ гусли, завелъ свой аполлоновъ танецъ, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Такого мы въ жизнь не видали!

Хвалить царь Голифоръ, не нахвалится, а царица пуще.

— Аполлонъ побѣдилъ царицу!

И приступила царица къ царю, да повелитъ Аполлону учить ее своимъ танцамъ. Царь не перечилъ. А Аполлонъ радъ все исполнить и для царя, и для царицы.

По царскому повелѣнію построень былъ танцевальный дворецъ, въ этомъ дворцѣ и жилъ Аполлонъ, уча танцамъ царицу.

Съ этого все и пошло.

И съ годъ живеть Аполлонъ въ танцовальномъ дворцѣ у царя Голифора — всѣ дни и вечера съ царемъ и царевной.

Переимчивая, живо переняла царевна аполлонову мудрость. Аполлонъ полюбился царю, еще больше царевнѣ.

Царевна Тахія невѣста. Время сватать. Понаѣзжало къ царю Голифору всякихъ царей, королей да князей.

Царь Голифоръ:

— Безъ воли царевны ни за кого не отдамъ. Пускай сама рѣшаетъ.

А царевна одно:

— За Аполлона.

Какъ услышала царица и напустилась:

— За Аполлона? За утопленника морского? Ни подъ какимъ видомъ. Лучше ужъ за обезьяньего князя, все таки князь.

А царевна:

— Если не за Аполлона, то ни за кого.

И больше ни-слова.

Покричала царица, покричала, а ничего не подѣлаешь, помаленьку и сдалась. Отпустили царей, королей да князей во свояси. Да за веселую свадьбу.

Такъ женилъ царь Голифоръ Аполлона на царевнѣ Тахій. И пошла у нихъ жизнь развеселая.

VI

Аполлонъ шель по берегу моря.

Какимъ отдаленнымъ казалось ему то время, когда попалъ онъ на Кипръ къ рыбаку. Лукичъ былъ правъ. И какъ это случилось, только теперь въ первый разъ онъ вспомнилъ о Лукичѣ, а съ нимъ вспомнился Тиръ такъ ярко, какъ никогда еще. Второй годъ подходитъ къ концу. На Кипрѣ онъ свой человѣкъ. Скоро у Тахьи родится ребенокъ. А о немъ все-таки никто ничего не знаетъ. А тамъ, вспоминаютъ ли? И неужели не суждено ему вернуться въ родной Тиръ?

Вдругъ затомило: все отдасть, только бы вернуться! И пусть смерть, за одинъ день, за одинъ часъ, за минуту.

По морю плывъ корабль. Чѣмъ ближе подплывалъ корабль, тѣмъ чаще билось сердце. И вотъ, тирское знамя ударило въ глаза.

Закричалъ Аполлонъ.

Отвѣтили на корабль.

Слышалъ Аполлонъ свое имя — величали тирскаго царя! — и больше ничего не слышалъ. И когда очнулся — передъ нимъ стояли тирскія послы: старѣйшина Елавкъ извѣщалъ Аполлона, что опасность миновала, нѣтъ больше Антиоха, и онъ, Елавкъ, и другіе старѣйшины со всѣмъ народомъ зовутъ его въ Тиръ принять власть.

Съ Аполлономъ отправились послы къ царю Голифору. Тутъ-то все и открылось. И много дивились тирскому царю Аполлону. Царь на радостяхъ далъ пирь въ честь зятя и пословъ. Три дня пировали.

Всѣхъ занимала смерть Антіоха и судьба Антіохіи Великой.

Поистинѣ, кара Божія постигла грѣшнаго царя: на одномъ изъ торжественныхъ пріемовъ Антіохъ упалъ съ трона и угодилъ подбородкомъ о косякъ. Разболѣлось, и начала гнить челюсть, — съ каждымъ днемъ больнѣй и больнѣй, отпало мясо съ бороды, выгнили зубы, до кости прогнило, и обнажилась гортань. Страшно видѣть, невозможно было смотрѣть. Ничего не ѣлъ, только воды и то немного. Изнемогалъ царь — второй Іовъ — горько стражда и кляня страсть, великій и многославутый царь сирійскій Антіохъ. По смерти же царя лисавый другъ его, Лукъ Малоубійскій, заточилъ несчастную царевну Ликрасу, женился на обезьянней княжнѣ Хлывнѣ, дочери великаго мечника и князя обезьяньяго, Микитова, отъ ворота до голенищъ поверхъ сирійскихъ золотыхъ медалей весь извѣсилъ цвѣтными обезьянними знаками, отвалилъ народу гору золота, насулилъ ворамя, шпынямъ и безыменникамъ господскихъ вотчинъ, помѣстій и должностей и подъ именемъ царя Епиха сѣлъ на престоль царствовать въ Антіохіи Великой.

Аполлонъ рѣшилъ немедля ѣхать въ Тиръ. Но какъ быть съ царицей? Море немилостиво — путь опасенъ.

— Дай мнѣ свой перстень, — сказалъ Аполлонъ Тахіи, — я пришлю за тобой, ты по этому перстню узнаешь моихъ пословъ, съ ними и поѣдешь въ Тиръ.

Тахія слышать не хотѣла. И, сколько ни уговаривалъ царь и царица, настояла ѣхать непремѣнно съ Аполлономъ.

Снарядили царскій корабль.

Простился Аполлонъ съ царемъ Голифоромъ и съ царицей крикуньей, простилась Тахія съ отцомъ и матерью. Поплакали. Много было слезъ, а весело съ большими дарами, приданнымъ Тахіи, отплыли съ Кипра, держа путь къ любимому Тиру.

VII

Въ пути на кораблѣ, чего такъ боялся Аполлонъ, отъ морской ли качки или вѣтра морского наступило царицѣ Тахіи время, и въ страшныхъ мукахъ родила она дочь Палагею.

И лежала Тахія, какъ мертвая, и было сердце ея, какъ неживое.

Поднялся вопль, и откликомъ на вопль, какъ левъ, возсвирѣпѣло море.

Поняли такъ, что море требуетъ жертвы, и приступили къ Аполлону, требуя извергнуть съ корабля мертвеца.

— Если не выбросимъ, всё погибнемъ.

Аполлонъ просилъ переждать: онъ все еще надѣялся. И какъ онъ винилъ себя, простить не могъ, что согласился везти съ собой царицу. Аполлонъ убѣждалъ не трогать царицу.

— Буря утихнетъ.

А буря ярилась, — люди ожесточались.

Люди стали, какъ змѣи.

И Аполлонъ уступилъ.

Положили въ лодку царицу Тахію, съ ней подъ голову золото, въ руки — рукописаніе: золото на погребеніе и въ награду тому, кто ее похоронитъ. И поплыла царица Тахія по морю жертвою моря.

Отъ волны къ волнѣ, какъ отъ сестры къ сестрѣ, быстрой птицей летѣла лодка по морю, и на третій день принесла волна ее къ Ефесу.

Былъ въ Ефесѣ докторъ старичокъ, именемъ Ефіопъ. Бродилъ старичокъ по берегу, собиралъ морскія лекарственныя травы и запримѣтилъ странную лодку. Ефіопа очень всё любили, и на кличъ собрался народъ. Выловили лодку и понесли въ домъ Ефіоповъ.

Пожалѣлъ старичокъ Тахію, только ничего не подѣлать, — мертвая лежала царица. И, взявъ изъ подъ головы ея золото, пошелъ ста-

рикъ къ гробовщику : на все золото похоронить онъ несчастную царицу.

Любимый ученикъ Ефіоповъ, сиріецъ Агафонъ, многіе годы искавшій въ щитовидной железѣ все подборіе естественной жизни человѣческой, пришелъ въ домъ своего учителя объѣдать и узналъ отъ служителей о мертвой царицѣ. Глазамъ не вѣря, такъ прекрасна была царица живая и неживая, началъ надъ ней Агафонъ сиріецъ свои щитовидные опыты.

Тахіа чихнула и открыла глаза.

— Не прикасайся ко мнѣ ! — сказала Тахіа.

Тутъ отъ гробовщика вернулся Ефіопъ.

— О, учитель, — встрѣтилъ его Агафонъ, — ты готовилъ царицѣ гробъ, а она живая !

Убѣдившись, что царица Тахіа подлинно живая, учитель поклонился ученику.

— Превзошелъ ты меня, Агафонъ, въ учености своей. Отдаю тебѣ все мое дѣло. Ты лечилъ бѣдноту, теперь позовутъ тебя сильные и знатные. Помни : къ знатымъ и сильнымъ всякій пойдетъ для славы и чести, бѣдные же побоятся звать тебя, не оставляй ихъ.

И положилъ Ефіопъ передъ Агафономъ золото царицы въ награду ему.

И была большая радость въ Ефіоповомъ домѣ.

Тахіа, оправившись, благодарила старика Ефіопа, что не бросилъ ее, благодарила Агафона, что къ жизни вывелъ, и все рассказала

о себѣ, о своемъ несчастномъ мужѣ, тирскомъ царѣ Аполлонѣ, и просила Ефіопа пріютить ее у себя въ домѣ.

Ефіопъ съ радостью принялъ царицу, какъ за родной дочерью ухаживалъ за ней. А Агафонъ захотѣлъ на ней жениться.

— Прекрасная царица Тахія, безъ тебя мнѣ жизнь не красна.

И много докучалъ ей, угождая.

Тахія жалѣла его.

— Не пойду я за тебя замужъ, Агафонъ. У меня и на умѣ такого нѣтъ. И ни за кого не пойду. Буду до смерти ждать тирскаго царя.

Проживъ съ годъ у Ефіопа, укрѣпившись щитовиднымъ агафоновымъ врачеваніемъ, переселилась царица Тахія къ Скорбящей. Тамъ черничкой при часовнѣ и проводила свои дни, служа Скорбящей, въ тоскѣ тоскущей по мужѣ: будетъ она до-смерти черничкой ждать тирскаго царя Аполлона.

Темнѣ моря плылъ Аполлонъ.

Во всемъ онъ винилъ только себя, не могъ простить, что загубилъ жизнь человѣческую — изъ-за него погибла Тахія.

И когда прояснилось на небѣ, волна устоялась, была на душѣ его буря и темъ пучинная.

Нѣтъ, ему нѣтъ пути на родину! Бѣжалъ отъ смерти. Смерть миновала. Но теперь ему горше смерти. И ничто его не обрадуетъ.

У Тарса, гдѣ когда-то за щедрость онъ почетень былъ отъ народа и на Марсовомъ полѣ ваятелемъ Даниломъ высѣченъ изъ камня стоялъ его образъ, велѣлъ Аполлонъ пристать ко раблюю.

Аполлонъ остановился у старыхъ своихъ хозяевъ — у тирскаго купца Черилы и жены его Гайки, и просилъ ихъ пріютить у себя дочь Пелагею. Въ няньки взялъ ей старуху Егоровну. И оставилъ много золота и серебра на воспитаніе. Черила и Гайка, въ бытность его въ Тарсѣ, много ему добра сдѣлали и не оставятъ его дочь, а нянька Егоровна будетъ ей вмѣсто матери.

Пристроивъ дочь въ вѣрныя руки, Аполлонъ нанялъ корабль, выдѣлилъ часть тирской дружины и велѣлъ плыть въ Тиръ, передать отъ него Елавку и старѣйшинамъ власть надъ Тиромъ. Самъ же вернулся на тирскій корабль и съ оставшейся дружиной поплылъ въ безвѣстность.

Былъ онъ тирскій царь, пошелъ искать счастья, бѣжалъ отъ смерти, жилъ безымяннымъ, смерть миновала. И нѣтъ у него дома, нѣтъ ему пристанища — море, безпристанное плаваніе, вотъ его безвѣстный путь виновнаго.

VIII

Въ Тарсѣ у Черилы и Гайки жила Палагея. Стала подрастать, стала въ гимназію ходить, — въ мать свою нѣжная и переимчивая.

Растетъ царевна и ничего-то про себя не знаетъ, и кто отецъ ея, и кто мать, ничего не знаетъ. Въ старшій классъ перешла, много всякихъ мудростей постигла, и исторію, и географію, а въ танцахъ первая, въ папашу.

Не нахвалятся, не налюбуются учителя, и, вотъ, еще немножко и столько глазъ будетъ зариться: невѣста изъ невѣсть первая.

Какъ-то въ Великій постъ вернулась Палагея изъ гимназіи, а Егоровна, нянька, съ постной ли грибной пици либо отъ поклоновъ чуть дышитъ старуха, — смерть пришла. И уже на смертномъ одрѣ рассказала Егоровна Палагеѣ о матери ея царицѣ Тахи и отцѣ ея царѣ тирскомъ Аполлонѣ.

— А Черила и Гайка?

— Нѣтъ, дѣточка, ты у нихъ пріемышь. Царь-то, какъ пуститься ему въ безвѣстность, тебя имъ и оставилъ на сбереженіе.

И померла старуха.

Похоронили Егоровну на берегу моря. Просила старуха, какъ ужъ быть ей при послѣднемъ издыханіи: „Потрудись, дѣточка, похорони меня близъ синяго моря, тамъ мнѣ упокоеніе на красномъ бережку!“ Палагея настояла, и ис-

полнили нянькину волю. И всякій день, какъ итти изъ гимназій, заходила она на могилку.

Ни Черила, ни Гайка ни о чемъ не догадывались — имъ ни словомъ не обмолвилась Палагея. А какія думы она думала о матери! Куда ее принесла волна и жива ли, — вѣрила, жива, гдѣ-то на островѣ ждетъ ее. И про отца думала, какъ плаваетъ онъ по морю въ безвѣстности, кличетъ мать, а все нѣтъ отъ нея голоса.

Вотъ подождите, дайте кончить она гимназію, черезъ весь свѣтъ пройдетъ, а отыщеть мать и отца. А какъ они обрадуются, она узнаетъ ихъ.

— Мама, мамочка, гдѣ ты?

Присядетъ Палагея у могилки Егоровны и думы эти свои думаетъ и горькія и такія, какъ сама весна-красна. Только на могилѣ старухиной, няньки своей, и подумать ей, а дома чужая, одна, бездумная.

Не нахвалятся, не налюбуются на нее учителя, еще, еще немножко и столько глазъ будетъ зариться: невѣста изъ невѣсть первая.

А была у Черилы и Гайки родная дочка Марсютка, съ Палагеей погодки. Гайкѣ и стало завидно: приемыша хвалятъ, а ея родное, хоть и не хаятъ, да противъ Палагеи ни во что.

И задумала Гайка извести Палагею.

А тутъ какъ-то шли подруги отъ обѣдни, народъ смотритъ — разговоры. Гайкѣ все слышно.

— Хороша, — говорятъ, — у Гайки Марсютка, а Палагеѣ въ подметки не годится.

А другіе за ними :

— И красно одѣта, да противъ Палагеи и смотрѣть не на что.

Задѣло за сердце, и въ тотъ же день положила Гайка порѣшить съ Палагеей, не откладывая дѣла.

Былъ у нихъ ночной сторожъ Гаврила, забытый нуждой человѣкъ, робкій, многосемейный — двѣнадцать ртовъ въ сторожкѣ голодныхъ, да самъ съ Матреной, четырнадцать душъ на кругъ. Призвала Гайка этого несчастнаго Гаврилу.

— Ты, — говоритъ, — Гаврила что такое на умѣ имѣешь? Ты чего противъ барина замышляешь? Все извѣстно. Хочешь обокрасть насъ? Ну, за это отвѣтишь, голубчикъ.

Гаврила въ ноги: ни сномъ, ни духомъ, знать ничего не знаетъ, и куда ему замышлять такое?

— Оклеветали злые люди.

— Оклеветали, не оклеветали, а вся подноготная дознана и безъ наказанія не оставимъ. Отвѣтишь! И притомъ у тебя фамилія персидская.

А была о ту пору война съ персами, и всѣ тарскіе персы, страха ради и сокрытія, передѣ-

ывали свои фамиліи изъ персидскихъ на тарскія. Гаврилы же фамилія Прокоповъ.

— Матушка, какая же такая персидская?

— Все равно, что персидская, измѣнникъ! А хочешь избавиться отъ наказанія и по старому служить намъ, изволь, только за это ты долженъ убить Палагею. Знаешь?

— Знаю.

— Убить надо дѣвчонку. Всякій день изъ гимназіи заходить она къ нянькѣ на могилу, тамъ и покончи.

Что дѣлать бѣднягъ? Не согласишься — пропадешь, а согласишься — грѣхъ на душу. Лучше ужъ грѣхъ, — грѣхъ замолить можно. А то куда ребятамъ-то безъ отца — двѣнадцать душъ, съ голода подохнуть. Лучше согласиться.

Улучилъ Гаврила подходящее время, залегъ на берегу моря за нянькиной могилой, и когда явилась Палагея, присѣла на могилку тайныя думы свои думать, выскочилъ онъ изъ за своей засады да пикой на нее.

Она на колѣни:

— Не губи, — говоритъ, — Гаврила. Что тебѣ я сдѣлала?

— А, вотъ, сѣму тебѣ голову, тогда и узнаешь! — а самъ дрожмя дрожить.

Она тихимъ голосомъ:

— Ты, Гаврила, вѣрно, обознался. Я — Палагея. Ни въ чемъ я передъ тобой невиновата.

— Знаю, — сказала Гаврила, — я и самъ ни въ чемъ невиновень. Оклеветали! Двѣнадцать ртовъ голодныхъ, на кругъ четырнадцать. Ребятъ жалко! — а самъ такъ смотреть, — и тебя мнѣ жалко. Да ничего не могу подѣлать. Твоя мать Гайка приказала убить тебя. Не убью, мнѣ крышка.

— Дай мнѣ хоть съ бѣлымъ свѣтомъ проститься! — заплакала Палагея нянькѣ своей Егоровнѣ, — не встанетъ старуха изъ могилы, не образумитъ Гаврилу, — нянькѣ своей покойной жалобу предсмертную на свою злую долю выплакивала царевна.

И когда она такъ плакала, прощаясь съ бѣлымъ свѣтомъ, случилось,плыли по морю разбойники, вышли на берегъ поживиться и, видя Гаврилу съ пикой надъ царевной, окликнули. Гаврила съ перепугу пику наземь да драла. А разбойники къ Палагеѣ, ухватили да на корабль.

Очумѣлый прибѣжалъ Гаврила къ Гайкѣ.

— Готово : покончилъ !

И провѣрять нечего, конечно покончилъ: такой былъ Гаврила очумѣлый, какъ отъ ханжи самой злой, гольемъ выпитой.

И весь вечеръ до глубокой ночи, сидя подъ сторожкой, чумѣлъ Гаврила, самъ себя допрашивая, самъ же себѣ отвѣчая въ растери и разстройствѣ.

— Ты кто ?

— Я.

— А гдѣ ты живешь ?

— Кто ?

— Я.

— Да кто ты ?

— Я.

Едва, едва уходился, конечно, не спроста, дѣло ясно.

И успокоилась Гайка. И все золото, и серебро палагеино отложила дочкѣ своей Марсюткѣ — вотъ будетъ невѣста, всякому на зависть, хоть за царя теперь, хоть за короля, и никто не посмѣетъ хаить.

А разбойники приплыли на островъ Родось и тамъ, подъ видомъ купцовъ месопотамскихъ, выгрузили съ награбленными товарами и Палагею.

Торчать на пристани, мерзнуть подъ вѣтромъ не пришлось Палагеѣ — живой товаръ ходкѣй — черезъ блудничнаго скупщика Поддувалу въ тотъ же самый день попала она къ блудничной хозяйкѣ, къ знаменитой на всемъ островѣ Аннѣ Дементьевнѣ въ домъ.

Анна Дементьевна ни въ какомъ политехническомъ институтѣ не обучалась и никакой химіи не проходила, а приготавливала ханжу, что твою бѣлоголовую водку : черезъ отварной картофель пропускала она денатуратъ такъ ловко, ни запаху, ни привкусу не оставалось. И на сладкую фіалку и розочку домъ ея отъ

гостей ломился, а притомъ же и развлечения къ услугамъ.

Очутившись у Анны Дементьевны, все поняла Палагея и горько заплакала: лучше бы ей тогда Гаврила съ плечъ голову снесъ!

Разбойники продали Палагею Поддувалъ за пятьдесятъ золотыхъ. Поддувала уступилъ ее Аннѣ Дементьевнѣ за сто, а Анна Дементьевна мѣтила получить не больше, не меньше, какъ всѣ двѣсти.

Посадила Анна Дементьевна Палагею въ блудилищѣ среди самыхъ первыхъ блудницъ, а сама кликнула кличъ по богатымъ и охотникамъ, что въ ея де домѣ объявилась новенькая красоты непомерной.

Услышалъ Антагоръ, великій князь родосскій, и какъ стемнѣло, шыгъ тайно въ блудилище по знакомой дорожкѣ. Его-то Анна Дементьевна и поджидала: тутъ не двѣсти, а и полтысячи взять можно, да, кромѣ того, и подарокъ. Она сама ввела Палагею въ особую комнату и оставила ихъ вдвоемъ.

Какъ передъ Гаврилой сторожемъ тамъ у нянькиной могилы, стала Палагея передъ Антагоромъ, все ему рассказала и о матери своей царицѣ Тахи, — какъ на морѣ волной унесена, и объ отцѣ, царѣ тирскомъ Аполлонѣ, — какъ въ безвѣстности плаваетъ по морю, кличетъ царицу безотклично, и о себѣ рассказала, —

какъ безвинно убить замыслили, и, вотъ, разбойники ее схватили, и попала она сюда.

Жалостливый былъ князь Антагоръ и, хоть мало чему повѣрилъ, — за свою многолѣтнюю практику сколько онъ отъ всякихъ новенькихъ этихъ самыхъ царскихъ да разбойничьихъ повѣстей наслушался, рассказанныхъ для пущаго завлеченія и цѣны ради, — и все таки пожалѣлъ Палагею.

— Чего же ты хочешь?

Туть-то обычно и начинался торгъ. Но Палагея объ одномъ просила — ей ничего не надо, будетъ жить она въ лишеніяхъ и нищетѣ...

— Ну, ладно, коли ужъ такъ, вотъ отдай хозяйкѣ, это за тебя плата. Я самъ еще поговорю, что-нибудь сдѣлаю.

И, отпустивъ Палагею, далъ Аннѣ Дементьевнѣ сто золотыхъ: онъ беретъ за себя Палагею, но чтобы не только что касаться къ ней, а и видѣть ее никто не смѣетъ!

Анна Дементьевна съ княжескимъ кушемъ, да и палагеина плата оказалась цѣлою тысячею, Анна Дементьевна была очень довольна. И съ того вечера пошла о Палагеѣ слава, какъ о хозяйской любимицѣ, и всѣ съ самой хозяйки до вышибалы Степана величали Палагею княгиней.

IX

Аполлонъ плыль по морю безвѣстный.

Тамъ гдѣ-то стоялъ его родной Тиръ, — вспоминали ли о немъ, а, можетъ, и забыли? И гдѣ-то жила одиноко, дожидаясь его, царица Тахія, а, можетъ, и не ждала уже?

Отъ острова къ острову, отъ города къ городу, отъ пристани къ пристани плыль Аполлонъ безвѣстно.

И, вотъ, почувствовалъ онъ, наступилъ срокъ — онъ можетъ увидѣть свою дочь Палагею, и пусть рѣшить она: пропадать ему или вернуться въ Тиръ и принять власть?

Съ полнымъ чувствомъ, рѣшившись повернуть свою судьбу, съ сердцемъ, затаившимся передъ часомъ свиданія, робко, какъ привыкшій къ ударамъ, и увѣренно, какъ выдержавшій искусь, вѣрно направилъ Аполлонъ корабль къ Тарсу.

Вечеромъ на закатѣ Аполлонъ достигъ Тарса.

Съ палубы ему видно было Марсово поле и бѣлый камень, розовый при закатѣ, работа Даила, увѣковѣчившій его имя. Завтра, утромъ, когда зазвонятъ къ поздней обѣднѣ, пойдетъ онъ черезъ Марсово поле знакомой дорогой къ красному дому, постучить въ калитку. Сердце у него замираетъ — не дожидаться ему утра.

А Черила и Гайка, прослышавъ отъ людей о тирскомъ кораблѣ, нарядились во все черное, сдѣлали кисляя физіономіи, да на корабль. Такъ и есть, не ошиблись, корабль Аполлона.

А, вотъ, и самъ онъ: какой испуганный и оробѣвшій.

— Жива ли моя дочь ?

Еще больше скислились.

— Дочь твоя давно умерла.

— Увы - увы, мнѣ, дочь моя !

Кто же рѣшитъ теперь его судьбу ?

Бѣжалъ онъ отъ смерти, не тронула. Но она по пятамъ идетъ — взяла царицу, взяла царевну. Царицу онъ самъ отдалъ морю, царевну — чужимъ людямъ. Или все, что онъ дѣлаеть, не такъ надо ? И пусть лучше бы самъ онъ бросился тогда въ море и умилостивилъ море, или нѣтъ, мертвую царицу все равно не оставили бы на кораблѣ, нѣтъ, онъ съ мертвой поплылъ бы живой на лодкѣ по волнамъ. А куда же дочь-то ? Оставилъ бы на кораблѣ. Чужимъ людямъ ? Или такъ, онъ плавалъ бы на кораблѣ и съ нимъ его дочь, самъ бы ее и воспитывалъ. Зачѣмъ онъ повѣрилъ, развѣ можно было отдавать ее за золото чужимъ людямъ ? Вотъ и не уберегли : не свое. Но онъ зналъ ихъ, хорошіе люди. Можетъ, и хорошіе, да развѣ кто можетъ уберечь отъ смерти, если смерть захочетъ ? Нѣтъ, въ чемъ-то еще онъ

виновенъ и за то ему кара? Онъ долженъ все принять и все снести и тогда будетъ свободенъ.

Аполлонъ далъ зарокъ плавать еще десять лѣтъ, не выходя изъ корабля на землю. И просилъ дружину свою, не искушать его: что бы ни случилось, подъ страхомъ наказанія, запретилъ онъ вызывать себя изъ темной каюты на волю.

И поплылъ весь черный корабль — плыль Аполлонъ, куда глаза глядятъ.

— Увы - увy, мнѣ, дочь моя!

И много плуталъ его черный корабль.

Невѣрное море, то оно ласково — плыль бы и земли не надо, а то проклинаешь минуту, когда ввѣрился его вѣроломной власти.

И опять, какъ когда-то, море вскипѣло и носило корабль, какъ щепку.

Въ ночь прибило куда-то волной. Поутру смотрять, Родосъ.

Въ тотъ день на Родосѣ большой былъ праздникъ, и на пристани, какъ стая птицъ, алѣли праздничные корабли, къ нимъ и подплылъ печальный аполлоновъ корабль.

Аполлонъ велѣлъ дружинѣ выйти на берегъ, закупить въ городѣ угощенія — пусть потѣшатся послѣ грозъ и испытаній! — а самъ остался въ своей темной каютѣ.

Слышны были веселыя пѣсни и музыка.

„Сойди же на берегъ! Посмотри, какъ хорошо на землѣ, какая трава, потрогай, вдохни!“ — во всѣ уши нашептывало ему въ темной и душной каютѣ.

Аполлонъ твердо стоялъ на своемъ вольномъ столпѣ.

А музыка тише, а пѣсни унывнѣй.

Послѣ параднаго обѣда Антагоръ, князь родосскій, вышелъ къ народу. Потянуло на волю и, провожаемый кликами, шель онъ по улицамъ къ пристани, — за веселость и добрую душу любили Антагора.

— Чей это печальный корабль и почему на немъ трауръ?

Но никто ничего не могъ отвѣтить: должно быть, ночной бурей прибило къ берегу корабль.

Антагоръ захотѣлъ самъ разузнать.

Дружина аполлонова пировала на берегу.

— Чей это корабль и почему такъ печалень?

— Нашъ князь въ большой печали, потому и корабль печалень.

— Нынче мои именины, подите, попросите вашего князя ко мнѣ. Я даю большой пиръ, будемъ веселы всѣ!

Но никого не нашлось, кто бы осмѣлился нарушить завѣтъ.

— Подъ страхомъ наказанія нашъ князь запретилъ вызывать его изъ каюты. И мы поклялись.

— Дѣло ваше, — сказалъ Антагоръ, — вы клялись, я же свободенъ отъ клятвы! — и пошелъ на корабль.

И увидѣлъ Аполлона, и понялъ, какая темная печаль легла на его душу. И жалко ему стало Аполлона.

— Я князь родосскій Антагоръ. Нынче мои именины. Сдѣлай милость, не откажи, пойдѣмъ со мной. Я вижу печаль твою и хочу тебя развлечь.

Аполлонъ покачалъ головой: развлечь! — если бы это было возможно?

— А ты скажи, что же тебя печалитъ?

— Все равно не поможешь, а рассказывать, только растравлять.

И вернулся Антагоръ одинъ съ корабля во дворецъ. Тамъ гости, музыка. Веселы всѣ. А его не веселить: не можетъ забыть. Жалостливый былъ Антагоръ, доброй души и совѣстливой.

Съ того вечера, какъ откупилъ онъ на мѣсяцъ Палагею, онъ все чаще и чаще бывалъ у Анны Дементьевны. И вскорѣ за особую плату Анна Дементьевна отпускала къ нему Палагею. Безъ нея онъ жить не могъ. И теперь вспомнилъ и послалъ за ней.

Палагея жила у Анны Дементьевны княгиней: Антагора боялись, а главное золото, золото оберегало ее не только отъ прикосновенія, но и отъ любопытныхъ глазъ. И чѣмъ больше

привязывался къ ней Антагоръ, тѣмъ больше сама она радовалась его посѣщеніямъ.

На зовъ Антагора Палагея, не замедля, явилась.

Антагоръ разсказалъ ей о печальномъ кораблѣ и о таинственномъ хозяинѣ корабля.

— Я не успокоюсь, пока не узнаю и не разсѣю его темныхъ думъ. Ты одна это можешь. Пойди къ нему. Вернешься не одна, все отдамъ, освобожу тебя.

Да она готова все исполнить, только будетъ ли толкъ ?

Дружина пропустила Палагею на корабль.

Тихо вошла Палагея въ каюту.

— Чего тебѣ надо ? — удивился Аполлонъ.

А и вправду, такой печали она никогда не видала.

— Хочу, чтобы твоя печаль отошла отъ тебя. Если ты мудрый, укрѣпи свое сердце. Отъ унынія гибель.

— Мудрый ? — усмѣхнулся Аполлонъ, — поговорилъ бы съ тобой, да молода еще, — и, отвернувшись, вынулъ онъ кошелекъ съ золотомъ, — вотъ, возьми себѣ и прощай.

— Я не за этимъ пришла.

Аполлонъ поднялъ глаза.

И они смотрѣли другъ на друга.

— Чего тебѣ надо ? — безпokoился Аполлонъ : что-то удивительно знакомое показалось ему въ ея лицѣ.

— Да, я молода еще... ты думаешь, горя не видала?

— Откуда ты?

Палагея закрыла лицо: ей трудно было говорить, — и дрожала вся.

— Что съ тобой? — поднялся Аполлонъ, — тебя обидѣли?

Путаясь, рассказала Палагея, какъ уже третій мѣсяцъ живетъ она въ домѣ и какъ князь Антагоръ обѣщаль освободить ее.

— Если не одна вернусь.

Аполлонъ вынулъ еще золота, много золота.

— Все тебѣ! Это и безъ меня освободить тебя.

И оба молчали.

Тамъ на берегу музыка — вечернія пляски.

— Иди, иди же на землю, посмотри, какъ хорошо, какая трава! Для чего тебѣ мучиться, зачѣмъ горевать? Все невѣрно. Одна вѣрна — мечта. Иди, иди же на волю, на землю!

И въ тоскахъ его сердце билось.

„Золото! — такъ вотъ что вызываютъ ея горькія слова и другого нѣтъ для нея у людей“.

Палагея упала на колѣни.

— Злая судьба моя, за что такъ крѣпко держишь меня? — причитала она отъ оскорбленнаго неповиннаго сердца, — ты, мать моя, зачѣмъ родила меня на бѣлый свѣтъ? Зачѣмъ

не взяла въ море съ собой? Царь Аполлонъ гдѣ плаваешь, гдѣ тоскуешь? И нѣтъ такого голоса, кто бы подалъ родную вѣсть тебѣ? Твоя дочь покинута! Твоя дочь въ злой судьбѣ! И нѣтъ ей защиты. Злая судьба моя, не могу я больше, и почему сразу не поразишь меня?

Аполлонъ въ ужасѣ схватился за голову, и глаза его, какъ тогда передъ царемъ Антиохомъ, когда разгадалъ онъ загадку, глаза его — за-качены.

Тамъ музыка, пляска и крики.

Или это ему снится? Или онъ помѣшался отъ тоски?

Палагея стояла передъ нимъ на колѣняхъ.

— Я — тирскій царь Аполлонъ!

Х

Къ удивленію дружины, Аполлонъ, вопреки зароку, вышелъ изъ каюты. Дружинѣ объявилъ онъ первой о своей нечаемой находкѣ — о дочери царевнѣ.

Восторженные клики, перебивавшіе музыку, слышалъ Антагоръ и поспѣшилъ на пристань. И когда увидѣлъ Палагею не одну, счастье его было безмѣрно.

Въ тотъ же вечеръ Антагоръ обручился съ Палагеей.

И былъ пиръ на весь міръ.

Веселье омрачилось было однимъ событіемъ, но, въ концѣ концовъ, все разрѣшилось къ общему удовольствію.

Поддувало, блудничный поставщикъ Анны Дементьевны, разузнавъ о Палагеѣ, кто она такая, со страху на глазахъ у всѣхъ бросился въ море. Схватились да ему спасательный кругъ въ воду, Поддувало уцѣпился за кругъ и выплылъ. Но ни за что не хотѣлъ выходить на берегъ, а плавалъ, какъ очумѣлый. Покричали, покричали, видягъ, ничѣмъ дурака не взять, да силкомъ его изъ воды, да съ кругомъ вмѣстѣ и потащили къ Антагору.

— Что велишь съ нимъ дѣлать? — спросилъ Антагоръ царевну.

Посмотрѣла Палагея: жалкій, весь-то до ниточки измокшій, какой-то слипшійся весь, жалко смотрѣть.

— Пусть идетъ себѣ!

А Поддувало отъ радости не знаетъ, что и дѣлать. Поддувало оказался хорошимъ фокусникомъ и потѣхи ради, чтобы чѣмъ-нибудь угодить царевнѣ, пустился на всякіе фокусы и такъ завензелить руками и ногами, что со смѣху животы надорвали.

Свадьбу рѣшено было играть въ Тирѣ: съ Аполлономъ и Палагеей поѣдетъ въ Тирь и Антагоръ. Всѣхъ счастливей въ этотъ памятный день былъ Антагоръ, женихъ Палагеи.

И на слѣдующій же день на изукрашенномъ кораблѣ полнымъ ходомъ поплыли —

Путь въ Тиръ черезъ Тарсъ.

Благополучно достигнувъ Тарса, Аполлонъ съ Палагеей, не извѣщая, прямо пошли въ домъ Черилы и Гайки.

Не ждалъ ни Черила, ни Гайка. Мечта ихъ давно осуществилась: съ палагеинымъ золотомъ пристроили они дочку, выдали свою Марсютку за богатаго тарскаго вельможу и жили теперь спокойно, благодарили Бога. Нѣтъ, и думать не думали они о такихъ гостяхъ.

И когда увидѣли на порогѣ дома Аполлона и Палагею, затряслись, обезьязычивъ.

— Мало васъ казнить, мерзавцевъ! — кричалъ Аполлонъ.

А они стояли оба, старикъ да старуха, безъязычные, трясли головой.

— Да я бы вамъ, окаяннымъ, ну, скажи только, засыпалъ бы вашу Марсютку золотомъ. Мерзавцы.

Тутъ вошелъ Гаврила сторожъ и въ ноги:

— Прости, царевна, согрѣшилъ. Не погуби.

— Что съ ними дѣлать? — показалъ Аполлонъ на старика и старуху.

А на нихъ смотрѣть жалко.

— Прости имъ!

И не тронулъ Аполлонъ стариковъ, а Гаврилу далъ шапку золота да корзинку съ гостинцами ребятишкамъ.

Какъ очумѣлый, бѣжалъ по берегу Гаврила за кораблемъ.

— Кто ты ?

— Кто ?

— Я.

— Куда бѣжишь ?

— Кто ?

— Я.

И когда скрылся корабль, грохнулся Гаврила о песокъ и лежалъ очумѣлый, пока морской вѣтеръ не охладилъ его.

*

XI

Оттого ли, что стояло ненастье, или отъ душевныхъ волненій перехватило у Аполлона горло, и весь онъ расхворался. Рѣшено было остановиться въ первомъ попутномъ городѣ.

И судьба привела въ Ефесь.

— Кто у васъ самый первый докторъ ?

— Есть у насъ сиріецъ Агафонъ, самый первый, только его никакъ не дозовешься.

— Захворалъ тирскій царь Аполлонъ.

— А ! это дѣло другое. Къ царямъ да вельможамъ кто не поѣдетъ !

Послали за докторомъ. И вправду, не успѣлъ посланный на корабль вернуться, явился самъ докторъ.

Болѣзнь оказалась пустяковская, ничего опаснаго. Но будь и самой опасной, забылъ бы Аполлонъ и самую лютую боль: отъ сирійца Агафона узналъ Аполлонъ о царицѣ Тахіи.

Позвалъ Аполлонъ Палагею :

— Твоя мать нашлась, а вотъ кто ее спасъ!

И снова все разсказалъ Агафонъ о царицѣ Тахіи, помянулъ и учителя своего Ефіопа и только въ одномъ не признался, что хотѣлъ жениться на царицѣ.

Рѣшено было сейчасъ же итти къ царицѣ.

— Вонъ на томъ холмикѣ часовня Скорбящей! — показаль докторъ и предложилъ подвезти.

Но они отказались.

— Я понесу ей серебряный вѣнокъ, а ты зеленую вѣтку!

Палагея не могла слова сказать отъ радости: сейчасъ, вотъ сейчасъ, наконецъ-то, она увидитъ свою мать!

Съ большими дарами отпустилъ Аполлонъ доктора, а Палагея за мать поцѣловала его въ его, какъ звѣзды, глаза.

И они пошли: Аполлонъ съ серебрянымъ вѣнкомъ, Палагея съ зеленою вѣткой.

Тахія сидѣла у часовни, безчастная, переговаривала тихо съ тихими птицами о счастьѣ.

— Что такое, милые други, счастье на землѣ въ семъ горькомъ свѣтѣ?

Птицы ей отвѣчали :

— Солнышко свѣтитъ и свѣтится море. Корму у насъ, слава Богу, и всѣ наши милыя птицы сыты. Вотъ и есть наше счастье. Только никогда такъ не скажешь : всегда съ тобою тревога — вонъ облачко, гроза будетъ, вонъ летитъ коршунъ, въ скрыти ли дѣти? И лишь потомъ, какъ начнешь вспоминать, тутъ и помянешь, тутъ и скажешь : какое это было счастливое время, какое у насъ было счастье! Счастье всегда потомъ.

— То же и это, вѣдь, счастье, други, когда начинаешь думать, какъ это станеть, наконецъ, то, чего такъ хочешь.

— Вѣрно, вѣрно! Счастье и потомъ, счастье и затѣмъ, счастье — мечта и память. А сію минуту — тревога.

— А вы знаете, въ чемъ мое счастье?

— Нѣтъ, мы не знаемъ, — признались птицы : это нашъ братъ и не знаетъ, а скажетъ, а что пичушки, что зайцы, звѣрье вообще, они никогда.

— Вотъ, если бы насталь такой день, такой часъ, такая минута и пришелъ бы сюда тирскій царь Аполлонъ!

Птицы зачирикали : не то между собой, не то такъ, словъ онѣ не знали, какія сказать, про царя Аполлона онѣ ничего не слышали, а такъ ничего не отвѣтить тоже нехорошо, вотъ и чирикали, словно жалѣли.

— А я ужъ часто думаю : не дожждаться мнѣ.

— Дождешься! — сказала какая-то птичка: она только, только что съ моря, съла у часовни.

— Вотъ мое счастье!

Тахія подняла глаза и остановилась, — не шелохнется.

— Дождешься, идутъ.

По зеленой тропкѣ подымался Аполлонъ съ серебрянымъ вѣнкомъ, а съ нимъ Палагея. И не узнала, не почуяла Тахія, что не жена, а дочь ея идетъ объ руку съ Аполлономъ.

„Такъ вотъ оно какъ, а я-то ждала!“

И кольнуло ей въ сердце — дышать нечѣмъ.

— Други, птицы, — вскочила Тахія и просить, какъ дѣти: — пустите меня!

И вдругъ словно пробудилась.

Двѣ бѣлыя птицы и она, какъ птица, летить надъ землею.

„Неразумная, ты посмотри, это, вѣдь, дочь твоя!“

И увидѣла Тахія: тамъ на колѣняхъ передъ ней, передъ ея маленькимъ тѣломъ, Аполлонъ и та.

— Это моя дочь?

— Палагея.

И запечалилась Тахія, затужила и увидѣла Тарсъ, красный домъ Черилы и Гайки, Палагею гимназисткой, Егоровну няньку и могилку нянькину, и какъ стоитъ Палагея на колѣняхъ,

а надъ ней съ пикой Гаврила сторожъ, морскихъ разбойниковъ, Поддувалу.

Она летитъ куда-то, а столько видитъ и то, что было, и то, что есть, такъ ясно видитъ, близко, будто совсѣмъ рядомъ надъ ея маленькимъ тѣломъ Аполлонъ и Палагея. И такъ ей хочется обнять свою дочь — она ни разу въ жизни не прикоснулась къ ней. Подошелъ докторъ. Это Агафонъ сиріецъ, онъ спасъ ее когда-то. Нѣтъ, тутъ и онъ безсиленъ. И его щитовидный опытъ непобѣдимое не побѣдить.

И заплакала Палагея, и Агафонъ сиріецъ заплакалъ.

А она все летитъ и съ ней двѣ бѣлыя птицы. Тоска подкатываетъ къ сердцу и такъ бы плакать ей, какъ заплакала дочь, а слезъ нѣтъ — жгетъ.

И увидѣла она Антиохію Великую — она раньше никогда не видала великій городъ Антиоха, — и среди города башню, а въ башнѣ, какъ звѣзда изъ ночи, свѣтитъ царица Ликса.

„Какая несчастная!“

И увидѣла Аполлона, онъ стоялъ въ звѣздномъ свѣтѣ печальный.

И отъ тоски ее всю скрутило, духъ зашелъ, и въ то же мгновенье, какъ молонья, пронзило ее, и вновь, какъ пробужденная, точно выскочила она изъ тисковъ тугущихъ и было уже

легко ей. Спутниковъ своихъ она не узнала, это были другіе. И съ ними легкая она лѣтъла, благословляя землю, міръ и судьбу.

ХІІ

На холмикъ у часовни Скорбящей похоронили царицу Тахію: ея сердце, обнадеженное, вдругъ испуганное, не вынесло.

Аполлонъ роздалъ много золота на поминъ души ея и поплылъ изъ Ефеса на Кипръ.

Живъ былъ старый царь Голифоръ и царица крикунья.

Поплакали, погоревали старики о дочери своей безчастной, а утѣшились внучкой. Вотъ не чаяли, не гадали! И на радостяхъ отдалъ царь Голифоръ Аполлону свою кипрскую землю, только обязательно, чтобы внучка осталась при нихъ.

Аполлонъ обѣщалъ.

— Да ты забудешь! — пристали старики.

— Ну, вотъ еще, сказалъ, не забуду, и не забуду.

Конечно, старикамъ никакого и царства не надо, была бы съ ними внучка.

Былъ данъ пиръ. Большое веселье. Развеселился и Аполлонъ. И вдругъ вспомнилъ о рыбацкѣ — до ясности все представилось ему: его первое утро на Кипрѣ и рыбацкѣ Лукичъ.

„Я тебя отъ смерти спасъ, ты мнѣ теперь рабъ!“ И какъ тогда въ первый же день повезло ему и, прощаясь съ Лукичемъ, онъ обѣщался не забыть. „А и забудешь, я привыкъ!“ вспомнились и слова Лукича, привыкшаго къ судьбѣ немилостивой и измѣнчивости нашей. И какъ Лукичъ оказался правъ: вѣдь, забылъ! И всего-то разъ вспомнилъ, да и то въ такую минуту — пришла вѣсть о свободѣ, до того ли было, сейчасъ же и забылъ.

Аполлонъ послалъ разыскать рыбака.

И нашли, явился старый старикъ.

— Лукичъ!

— Лукичъ давно померъ. Я Никонъ Лопухъ.

И рассказалъ Никонъ Лопухъ, какъ часто поминалъ Лукичъ о тирскомъ царѣ, какъ царь ему въ рабы достался, много чудеснаго.

— А мы мало чему вѣры-то давали, думаемъ себѣ, сказкой тѣшится. А оно, стало быть, такъ все и оказалось. Лукичъ былъ правъ.

— Лукичъ былъ правъ.

Наградилъ за Лукича Аполлонъ Лопуха, простился со стариками, еще и еще разъ обѣщалъ отдать имъ дочь, да на корабль въ путь-дорогу, въ свой родной Тиръ.

Еще съ Кипра былъ посланъ вѣстникъ въ Тиръ. И на пристани встрѣтилъ Аполлона Елавкъ съ старѣйшинами. И при ликованіи всего народа передалъ Елавкъ Аполлону власть надъ Тиромъ.

Живо сыграли свадьбу. И на пиру всѣхъ счастливѣй былъ князь Антагоръ, зять Аполлона. И проводилъ Аполлонъ зятя и дочь на Кипръ царствовать у стариковъ на Кипрской землѣ.

И опять остался одинъ тирскій царь Аполлонъ.

Услышали въ Антиохіи Великой о возвращеніи Аполлона, и долго терпѣвшій народъ возсталъ противъ царя Епиха, лисаваго Луки Малоубійскаго, и прогналъ его съ его обезьяньей царицей Хлывной вонъ изъ Антиохіи. Заперли городъ и снарядили пословъ въ Тиръ: быть сирійскимъ царемъ въ Антиохіи Великой тирскому царю Аполлону.

Старѣйшины уговорили Аполлона.

И выступилъ Аполлонъ съ большимъ войскомъ въ Антиохію. Народъ отворилъ передъ нимъ городскія ворота и съ великою честью передалъ царство.

Аполлонъ вошелъ въ башню, гдѣ томилась царица Ликраса.

Звѣздой изъ башенной тьмы сіяла Ликраса.

— Здравствуй, царица!

Царица съ отчаяніемъ посмотрѣла: она, вѣдь, давно ко всему готова.

— Или не узнаешь? Я тирскій царь Аполлонъ.

Съ горечью отвѣтила царица:

— Дѣлай скорѣй, что задумалъ, я молила о смерти.

— Не смерть, я жизнь тебѣ дамъ.

Аполлонъ протянулъ къ ней руки.

А царевна, какъ мертвая, — какая ей жизнь!

— Ты оттрудила свой грѣхъ, а меня разрушила дочь. Будемъ жить вмѣстѣ, царевна.

Царевна смотрѣла молебно: это правда, она оттрудила?

И стоялъ Аполлонъ въ звѣздномъ свѣтѣ печальный.

Въ Тиръ Аполлонъ не вернулъ. Онъ женился на царевнѣ Ликрасѣ и остался съ ней въ Антиохіи Великой. А Тиръ передалъ своему другу Елавку за его вѣрность.

И благословилъ народъ мудраго царя Аполлона. И было то время счастливой порой и расцвѣтомъ Антиохіи Великой.

23—27 II 1917

ЦАРЬ АГГЕЙ

Въ градъ Ѳелуанъ царствовалъ царь именемъ Аггей, единый подсолнечный гордый царь.

Отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конца вселенной было великое царство его и много народа всякаго — и молодыхъ, и стариковъ, и дѣтей, и женъ жили подъ его волей.

Стоялъ царь за обѣдней и слышитъ, дьяконъ читаетъ:

„Богатые обнищаютъ, а нищіе обогатятся“.

Въ первый разъ царь услышалъ и пораженъ былъ:

„Богатые обнищаютъ, а нищіе обогатятся!“

— Ложь! — крикнулъ царь, — я царь — я обнищаю? — и въ гнѣвъ поднялся къ аналою и вырвалъ листъ изъ евангелія съ неправыми словами.

Большое было смятеніе въ церкви, но никто не посмѣлъ поднять голоса — царю какъ перечить?

Царь Аггей въ тотъ день особенно былъ въ духѣ — на душѣ ему было весело и онъ все повторялъ, смѣясь:

— Я, царь Аггей, — обнищаю!

И окружавшіе его прихвостни, подхалимя, поддакивали. А тѣ, кто зналъ неправду царскую, и хотѣли бы сказать, да какъ царю скажешь? — страшна немилость.

По обѣдѣ затѣяли охоту.

И было царю весело въ полѣ. Сердце его насыщалось гордостью.

— Я, царь Аггей, — смѣялся царь, — обнищаю!

Необыкновенной красоты бѣжалъ олень по полю. И всѣ помчались за нимъ. А олень, какъ на крыльяхъ, — никакъ не догонишь.

— Стойте, — крикнулъ царь, — я одинъ его поймаю!

И поскакалъ одинъ за оленемъ. Вотъ-вотъ догонить. На пути рѣчка — олень въ воду. Царь съ коня, привязавъ коня, скинулъ платье и самъ въ воду, да вплавъ — за оленемъ. Вотъ-вотъ догонить.

А когда плывъ царь за оленемъ, ангель принялъ образъ царя Аггея и въ одеждѣ его царской на его царскомъ конѣ вернулся къ свитѣ.

— Олень пропалъ! Поѣдте домой.

И весело промчались охотники лѣсомъ.

II

Аггей переплылъ рѣку — оленя нѣтъ: пропаль олень. Постоялъ Аггей на берегу, послушалъ.

Нѣтъ, пропаль олень. Вотъ досада!

И поплылъ назадъ.

А какъ выплылъ, хватъ, — ни одежды, ни коня. Вотъ бѣда-то!

Сталь кликать, — не отзываются. Что за напасть! И пошелъ. Прошелъ немного, опять покликалъ, — нѣтъ никого. Вотъ горе-то.

А ужъ ночь. Хоть въ лѣсу ночуй. Кое-какъ сталъ пробираться. Иззябъ, истосковался весь. А ужъ какъ солнышка-то ждалъ!

Со свѣтомъ выбрался Аггей изъ лѣса.

Слава Богу, пастухи!

— Пастухи, вы не видали моего коня и платья?

— А ты кто такой? недовѣрчиво глядѣли пастухи: еще бы, изъ лѣсу голышь!

— Азь есмь царь вашъ Аггей.

— Давеча царь со свитой съ охоты проѣхаль, — сказала старый пастухъ.

— Я царь Аггей! — нетерпѣливо воскликнулъ Аггей.

Пастухи повскакали.

— Негодяй! — да кнутомъ его.

Пустился отъ нихъ Аггей, — въ первый разъ зарыдалъ отъ обиды и боли. Едва

духъ переводить. Пастухи вернулись къ стаду
А онъ избитый поплелся по дорогѣ.

Бдуть купцы:

— Ты чего нагишомъ?

А Аггей сказать о себѣ боится: опять поколотятъ.

— Разбойники! Ограбили! — и голосу своего не узналъ Аггей: сколько униженія и жалобы!

Сжалились купцы, — а и вправду, вышелъ грѣхъ, не вретъ! — кинули съ возу тряпья. А ужь какъ радъ-то онъ былъ и грязному тряпью, — ой, не хорошо у насъ въ жестокомъ мѣрѣ! — въ первый разъ такъ обрадовался, и не знаетъ, какъ и благодарить купцовъ.

Голодранцемъ день шель Аггей, еле живъ.

Позднимъ вечеромъ вошелъ онъ въ свой Олуанъ городъ.

Тамъ постучить — не пускаютъ, тутъ попросится — гонять. Боятся: пусти такого, еще стащить. И одна нашлась добрая душа, старушонка какая-то: если и воръ, украсть-то у нея нечего, а видно несчастный! — приняла его, накормила.

Никогда такъ Аггей не ѣлъ вкусно — пустыя щи показались ему объеденьемъ. Присѣлъ онъ къ печкѣ, обогрѣлся, — ой, не хорошо у насъ въ жестокомъ мѣрѣ! — отдышался, все молчкомъ боится слова сказать, а тутъ отошелъ.

— А кто у васъ, бабушка, царь? робко спросилъ старуху.

— Вотъ чудакъ! Или ты не нашей земли? Царь у насъ Аггей.

— А давно царствуетъ царь Аггей?

— Тридцать лѣтъ.

Ничего не понимаетъ Аггей: вѣдь, онъ же царь Аггей, онъ царствовалъ тридцать лѣтъ! И вотъ сидитъ оборванный въ конурѣ у старухи. И никто не признаетъ его за царя, и самъ онъ ничѣмъ не можетъ доказать, что онъ царь. Кто-то, видно, ловко подстроилъ, назвалъ его именемъ и всѣ его ближніе повѣрили. Написать царицѣ письмо, помянуть то ихъ тайное, что извѣстно только ей и ему, — вотъ послѣдняя и единственная надежда! — по письму царица пойметъ и обманъ разсѣется.

Аггей написалъ царицѣ письмо. Переночевалъ и другую ночь у старухи. Ну, до царицы-то письмо не дошло. Нагрянули къ старухѣ полунощные гости и, какъ пастухи, жестоко избили Аггея — выскочилъ, забылъ поблагодарить старуху.

И бѣжалъ ночь безъ оглядки. А вышелъ на дорогу — кругомъ одинъ, нѣтъ никого.

„Я, царь Аггей, — обнищаю!“

Вспомнилъ все и горько заплакалъ.

Былъ онъ царемъ, былъ богатый — теперь послѣдній челоуѣкъ. Никогда не думалъ о

такомъ, и представить себѣ не могъ и вотъ знаетъ: что такое послѣдній человѣкъ!

III

Ангель, принявъ образъ царя Аггея, не смутилъ ни ближнихъ царя, ни царицу: онъ былъ, какъ есть, царь Аггей, не отличишь. Только одно безпокоило царицу: уединенность царя.

— Есть у меня на душѣ большая дума, я одинъ ее передумаю и тогда будемъ жить по-старому! — сказала царь царицѣ.

Успокоилъ царицу.

И никто не зналъ, что за царь править царствомъ, и гдѣ скитается по міру царь ихъ Аггей.

А ему надо же какъ-нибудь жизнь-то свою прожить! Походилъ онъ, походилъ по жестокимъ дорогамъ голодомъ-холодомъ послѣднимъ человѣкомъ, зашелъ на деревню и нанялся батракомъ у крестьянина лѣто работать. А крестьянское дѣло тяжелое, — непривычному не справиться. Побился, побился, — плохо. Видитъ хозяинъ, плохой работникъ, и отказалъ.

И опять очутился Аггей на проѣзжей дорогѣ, кругомъ одинъ. И ужъ не знаетъ, за что и браться. И идетъ такъ дорогой, куда глаза глядятъ.

Встрѣчу странники.

— Други, нѣтъ мнѣ мѣста на землѣ!

— А пойдёмъ съ нами!

И дали ему странники нести суму.

И онъ пошелъ за ними.

Вечеромъ вошли они въ Фелуанъ-городъ. Остановились на ночлегъ и велѣли Аггею топить и носить воду. До глубокой ночи Аггей ухаживалъ за ними. А когда всѣ заснули, сталъ на молитву и въ первый разъ молитва его была ясна.

Вотъ онъ узналъ, что такое жизнь на землѣ въ семь жестокомъ мѣстѣ, но и его, послѣдняго человѣка, Богъ не оставилъ и ему, послѣднему человѣку, нашлось на землѣ мѣсто, онъ и будетъ всю свою жизнь до послѣдней минуты съ убогими, странными и несчастными, помогать имъ будетъ. И благодарить онъ Бога за судьбу свою. И ничего ему теперь не страшно — не одинъ онъ въ жестокомъ семь мѣстѣ.

И когда такъ молился Аггей въ тѣснотѣ около наръ, тамъ, въ царскомъ дворцѣ, вышелъ ангелъ въ образѣ царя Аггея изъ затвора своего къ царицѣ, и свѣтель былъ его ликъ.

— Я думу передумалъ мою. Будетъ завтра пиръ у насъ.

И велѣлъ кликать на утро со всѣхъ концовъ странныхъ и убогихъ на царевъ пиръ.

И набралось нищеты полонъ царскій дворъ. Пришли и тѣ странники, которымъ служилъ

Аггей. И Аггей пришелъ съ ними на царскій дворъ.

И поиль, и кормиль ихъ царь.

А какъ кончился пиръ и стали прощаться, всѣхъ отпустилъ царь и одного велѣлъ задержать — мѣхоношу.

И остался Аггей и съ нимъ Ангель въ образѣ царя Аггея.

— Я знаю тебя, — сказалъ Ангель.

Аггей смотрѣлъ на него и было чудно ему видѣть такъ близко свой царскій образъ.

— Ты царь Аггей, — сказалъ Ангель, — вотъ корона тебѣ и твоя царская одежда, теперь царствуй! — и вдругъ перемѣнился.

И понялъ Аггей, что это — Ангель Господень.

Нѣтъ, ему не надо царской короны, ни царства: онъ до смерти будетъ въ жестокомъ мірѣ среди бѣды и горя, стражда и алча со всѣмъ міромъ.

И, слыша голосъ человѣческаго сердца, осѣнилъ его Ангель и съ царской короной поднялся надъ землей.

И пошелъ Аггей изъ дворца на волю къ своимъ страннымъ братьямъ.

И когда проходилъ онъ по темнымъ улицамъ къ заставѣ, разбойники, зарясь на его мѣшокъ, убили его. Искали золота — и ничего не

нашли. А душа его ясна, какъ золото, пройдя жестокий міръ, поднялась надъ землею къ Богу.

1917 г.

ДАРЪ РЫСИ

Въ лѣсу въ келейкѣ жилъ старецъ. Уединился старецъ въ лѣсную келью, чтобы, очистивъ помыслы свои отъ суеты и сердце отъ вождельній, дѣлать Божье дѣло.

Въ міру страсти ослѣпляютъ человѣка и какъ часто, думая, что дѣлаешь для міра, на самомъ же дѣлѣ лишь угождаешь своей страсти, и оттого не только какая людямъ помога, а еще большая смута бываетъ, а въ смутѣ, сами знаете, и у перваго пріятели вашего за рукавомъ ножъ спрятанъ.

Жилъ старецъ въ лѣсу, трудясь надъ собой, и достигъ большой чистоты и душевности, какъ что отъ совѣтовъ его и дѣлъ многое бывало облегченіе людямъ въ ихъ мудреной жизни и, скажу, въ сей горькій вѣкъ несносной.

Старецъ рѣдко выходилъ къ людямъ, чаще къ нему въ лѣсъ приходили, и тутъ перебивали

у него всякіе — и смущенные, и покаранные совѣстью, и больные тѣлесно, заболѣвшіе оттого ли, что для совершенства душевнаго надо было испытать большую боль, или оттого, что потрясенная душа разстраивала и тѣлесную жизнь. Старецъ по глазамъ и слову, обращенному къ нему, угадывалъ силою своего духа недуги входящихъ и отпускалъ отъ себя съ миромъ.

Разъ сидитъ старецъ въ келейкѣ своей, бесѣдуя съ Богомъ устами своего яснаго сердца, и слышитъ, кто-то стучить. Окликнулъ. Не отвѣчаютъ.

Или ему это почудилось ?

И ужъ задумался старецъ о горести и обольщеніи чувствъ и всей невѣрности міра.

И опять — Нѣтъ, ясно: кто-то стучалъ подъ дверью.

— Да кто же тамъ ?

И пошелъ, отворилъ старецъ дверь, а тамъ — рысь и съ ней дѣтенышъ ея: рысь дѣтеныша подталкивала передъ собой, а сама лапкой показывала на него.

— Слѣпенькій, моль, рысенокъ у меня, исцѣли!

Къ старцу приходили люди всякіе — и душой изболѣвшіе и отъ изболѣвшей души тѣломъ разстроенные, а бывали и ниже звѣря, ниже гада, ниже червя ползучаго, звѣри же ни разу еще не приходили къ нему.

Но и появленіе звѣря — рыси съ дѣтенышемъ не смутило старца, потому что, и развѣ еще не прозрѣли человѣколюбцы, какъ часто человѣкъ-то, гордость и вѣнецъ земной твари, зарождается на свѣтъ Божій духомъ куда тамъ ниже звѣря, гада, червя ползучаго!

Сотворивъ молитву, старецъ плюнулъ въ слѣпые глаза рысенку, и къ великому счастью матери, рысенокъ вдругъ сталъ озираться.

Путь до лѣсной келейки былъ не близкій, рысенокъ проголодался и мать, первымъ дѣломъ, прилегла тутъ же у порога и накормила дѣтеныша, а накормивъ, поднялась и, покивавъ старцу, — „спасибо, моль, спасибо, тебѣ!“ — побѣжала домой, махая хвостомъ отъ счастья, и съ ней рысенокъ ея, не слѣпышь, быстрый.

„Какая понятливая!“ — подумалъ старецъ.

И, благословивъ отходящій день чудесный, сталъ на вечернюю молитву.

II

Мы считаемъ дни, и дни наши проходятъ въ заботахъ, мы боимся случайности и горчайшей изъ всѣхъ случайностей — смерти, мы скоро забываемъ добро, какое оказываютъ намъ люди, и долго помнимъ все дурное и злое, мы обольщаемся счастьемъ, которое, думаемъ мы, достижимо въ семь вѣкъ побѣдой надъ внѣшнимъ, и

обольщаемъ другихъ, суля миръ и покой въ безпокойномъ и враждующемъ строе самой жизни нашей, мы лжемъ себѣ, чтобы забыться, и лжемъ другимъ, чтобы отвлечь ихъ отъ страшной и невыносимой правды жизни, потому что жизнь наша и всей твари, отъ былинки до невидимыхъ духовъ, волнующихъ насъ и тѣснимыхъ нами, ни больше, ни меньше, какъ постоянное насиліе, явное или скрытое, каждаго надъ каждымъ — слѣпцы, вопіющіе противъ войны и убійства, какъ будто бы въ мірѣ не то же убійство и война постоянно! — и у кого есть еще глаза и уши и чувства, тотъ это ясно видитъ и слышитъ и чувствуетъ.

Старецъ увидѣлъ и услышалъ и почувствовалъ страшную правду жизни и, отрекшись отъ этой жизни, не считалъ ужь дней, и ничего не боялся, старецъ жилъ въ волѣ Божьей, не обольщаясь ни счастьемъ, ни покоемъ въ юдоли труда и неизбѣжныхъ, ничѣмъ не отвратимыхъ напастей, старецъ не помнилъ ни добра, ни зла на людяхъ и забылъ о рыси и о ея слѣпомъ рысенкѣ, прозрѣвшемъ по его молитвѣ.

И опять сидитъ старецъ въ своей кельѣ, бесѣдуя съ Богомъ, и слышитъ — стучать. Окликнулъ, но никто не отвѣтилъ.

И на этотъ разъ пошелъ старецъ, отворилъ дверь и увидѣлъ рысь одну, ужь безъ рысенка: приподнявшись на заднія лапы, положила рысь къ ногамъ старца овечью шкуру.

— Вотъ тебѣ за рысенка!

Старецъ изумился, онъ никакъ такого не ожидалъ отъ рыси, и съ благодарностью смотрѣлъ въ небо, для котораго созданъ человѣкъ и всякая тварь на землѣ, но, опустивъ глаза, былъ изумленъ не меньше: онъ увидѣлъ тутъ же возлѣ шкуры ободранную овцу — „Господи, за что мнѣ такая мука?“ — говорили ея закаченные глаза и весь ужасный ободранный видъ, а рядомъ съ овцой стояла старуха Ефремовна и трясущейся головой жаловалась безсловесно: — „Господи, куда я пойду теперь, послѣднюю у меня овечку отняли!“

Старецъ замахалъ на рысь:

— Не надо мнѣ твоей шкуры, ты погубила овцу, послѣднее отняла у старухи, не возьму!

Рысь не видѣла ни овцы, ни старухи и только почуяла, что сдѣлала что-то не такъ, и лапкой показывала старцу:

— Не знала, моль, и не думала, я только хотѣла отблагодарить за дѣтеныша!

И стояла такъ и глаза ея рысьи неплаканные наливались слезами:

— Не знала я!

И старцу жаль стало звѣря.

— Ну, ладно, да впередъ, смотри, не дѣлай такъ!

И опять счастливая — не сердится старецъ! — подала ему рысь лапку на прощанье. Подержалъ ее старецъ за колючую лапку — ну,

не сержусь, не сержусь! — и побѣжала рысь, махая хвостомъ отъ счастья.

„Какая неразумная!“ — подумалъ старецъ.

И благословивъ отходящій день чудесный, сталъ на вечернюю молитву.

III

Много приносили старцу всякихъ даровъ въ благодарность за его помощь: дѣти приносили игрушки, матери и отцы — рукодѣлье и хлѣбъ, — и все онъ отдалъ тѣмъ, у кого была нужда, но шкуру овечью онъ никому не отдалъ, шкура такъ и осталась лежать въ его кельѣ — даръ рыси.

То, что могутъ уразумѣть люди, рыси не дано и, принося благодарность, она дѣйствовала звѣринымъ разумомъ своимъ, человѣку же дано знать глубины, но свершеніе глубинъ и человѣку не дано, а только исканіе и скорбь.

И рысьи слезы были какъ скорбь человѣческая, а скорбь человѣческая есть единый свѣтъ жизни.

1917 г.

ЦАРИЦА МАЙДОНА

Въ послѣдніе дни и лѣта будетъ царствовать на землѣ царица Майдона. Четыре лѣта злomu ея царству, — четыре лѣта великой бѣды и горя.

За наши дѣла и мысли попуститъ Богъ злomu царству, ибо дале, дале размножится зло въ людяхъ, неправда, ненависть и ложь: отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, сосѣдь на сосѣда, — во дворахъ, въ домахъ, по улицамъ, по дорогамъ и на распутіяхъ крестныхъ.

увы, мнѣ, міру ничтожный!

Отъ старца до отрока прикоснулись къ единой чашѣ, — злоба, лукавство, неправда. Увы, мнѣ, злобный міре! Увы, горе! Увы, бѣда! Такъ полно неправды. Увы, мнѣ, темный Вавилоне! Кто исчерпаетъ твою бѣду или кто до конца расскажетъ о твоёмъ грѣхѣ!

увы, мнѣ, свѣтъ темный!

Въ послѣдніе дни и лѣта будетъ царствовать на землѣ царица Майдона.

Четыре лѣта злему ея царству, — четыре лѣта великой бѣды и горя.

Безстудная, она осквернитъ алтари святыя, будетъ ругаться святымъ иконамъ и крестъ Христовъ наречетъ висѣлицей. Силой красоты своей царской обольститъ она сердца чело-вѣкомъ, царица назоветъ себя богиней и будетъ злорѣчить и хулить небеснаго Бога.

На лобномъ мѣстѣ станетъ она передъ лицомъ народа, будетъ въ небо грозить.

— Ну, что же Ты? — воскликнетъ она къ небесному Богу, — Ты живешь на небесахъ, а ни я, ни мои люди не хотятъ знать Тебя. Что измыслишь, что подѣлаешь, да Ты слышишь ли? Я церковь Твою разрушила, я законъ Твой попрала, я вѣру Твою искоренила. Сама на моей землѣ я дала свою заповѣдь, по своей волѣ, и свой законъ, какъ сама захотѣла. Что же сдѣлаешь мнѣ Своимъ божествомъ, чѣмъ отвѣтишь на мою силу? И къ единому волосу на моей головѣ Ты не посмѣешь прикоснуться, — вотъ моя сила, вотъ моя воля, вотъ моя власть. Моя слава одолѣла и затмила всю Твою славу! Ну, что же Ты?

о, Боже, долготерпѣливый . . .

Не стерпѣлъ дерзкихъ словъ великій воевода силы небесной, среди ангеловъ верховный,

гнѣвный, гнѣвной звѣздой ринулся архангелъ съ небесъ на землю.

И тамъ, на лобномъ мѣстѣ, гдѣ передъ лицомъ народа грозила небесному Богу царица, поднялъ ее архангелъ видимо всѣмъ людямъ съ лобнаго мѣста. И понесъ. И несъ ее, видимо всѣмъ людямъ, надъ моремъ, надъ пропастями. И вотъ, подрѣзавъ серпомъ, ударилъ ее скипетромъ въ грудь, и съ шумомъ полетѣла царица-богиня въ царство тьмы на вѣчныя муки.

И шумѣла гроза, рвалъ вѣтеръ, и отъ страха сердце рвалось.

О, Боже, милосердный . . .

Какъ дѣти, заплакались люди, принялись каяться и молиться.

— О горе намъ, братіе, теперь погибаемъ!

Такъ кончилось царство безбожной царицы,
— первое горе.

1914 г.

ГОРОДЪ ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайкій, какъ постень, напрасный, онъ приползъ въ пустополе подъ городъ — кто же его чуялъ и чье это сердце въ тоскахъ заныло? — онъ приползъ въ пустополе, обогнулъ бѣлую стѣну — на башняхъ огни погасли и не били всполохъ — обогнулъ онъ бѣлую стѣну и бѣлыя башни, выглохталъ до капли воду въ подземныхъ колодцахъ и, стонотный, туго стянулся кольцомъ, скрестивъ голову-хвостъ.

Очи его — озерина, шкура, какъ нетина-зелень, тяжки волной пошевелки.

Обреченный, въ западяхъ у змія, стоялъ обложенный городъ, а еще долго никто ничего не знаетъ и не чуеъ бѣды — люди пили и ѣли, женились и выходили замужъ.

И когда пришелъ часъ, забили въ набать, а уже никуда не уйти.

Я помню, забыть не могу, какъ дѣти голодныя въ ямахъ плачуть, спрятались отъ страха въ ямы, босые, дрожать, боятся, голодные и такъ жалобно плачуть, а я ничѣмъ не могъ имъ помочь, и помню еще, какъ полуживой въ грудѣ мертвыхъ смотрѣлъ на меня и рукою звалъ, — и ему я не могъ помочь, и еще помню, какъ ползъ ко мнѣ съ перебитыми ногами и просилъ пить . . . я помню раненую лошадь, какъ стояла она и плакала, какъ человѣкъ, и потомъ упала и плакала крупными слезами и тихо стонала, какъ человѣкъ, и помню собаку, душу надрывала она своей тоской, я ее звалъ, давалъ ѣсть, а она даже и не смотрѣла на ѣду, она сидѣла на своемъ дворѣ, гдѣ все сожжено.

Горючъ песокъ въ пустопольѣ. Смертоносно дыханіе. Шума вѣтра не слышно и лишь отъ зноя хрястають камни.

Горе тебѣ, обреченный! Ты ли виною или терпишь за чужую вину — горе тебѣ, обреченный!

Очи его — озерина, шура, какъ нетина-зелень, тяжести волной пошевелки.

И отъ очей его больно, и холодъ на сердце, и нѣтъ нигдѣ скрыти.

Знаю, много неправды . . .

Знаю, много грѣха вопіеть на небо. Надо грѣхъ очистить, грѣхъ оттрудить.

И ты благослови меня въ послѣднюю минуту
ради чистоты земли моей родимой принять
кротко мою обреченную долю.

1915 г.

ТРИ БРАТА

Три брата родные, царскіе сыны, будутъ царствовать на потрясенной землѣ. Старшій братъ сядетъ царемъ въ Іерусалимѣ, середній братъ сядетъ царемъ въ Римѣ и третій, меньшей братъ, сядетъ царемъ въ Царьградѣ.

И будетъ межъ ними миръ и любовь, и злая память о царицѣ Майдонѣ погинетъ.

Три лѣта братскаго царства — три лѣта миръ на землѣ.

По третьему лѣту завраждуютъ братья, и настанетъ на землѣ второе великое горе.

Старшій братъ соберетъ свое войско отъ всего полудня и востока и пойдетъ изъ Іерусалима на Римъ, и будетъ ждать своихъ враговъ. Средній братъ соберетъ свое войско отъ запада и затворится въ Римѣ, и будетъ ждать своихъ враговъ. Третій братъ соберетъ свое войско отъ всей полунощной, безъ числа, отъ дѣтей до старцевъ, и пойдетъ изъ

Царьграда на Римъ и будетъ ждѣть своихъ враговъ.

Такъ сойдутся братья у желѣзныхъ вратъ Рима на послѣднюю встрѣчу.

— Радуйся, Римъ, славный великій городъ! Твои желѣзныя стѣны тверды, твои камни священные, гдѣ же твой царь?

Но никто не отвѣтитъ, и будетъ тихо за римскими желѣзными вратами, какъ передъ лютою грозой.

И воскликнуть братья къ брату:

— Выходи, выходи, братъ, часъ твой пришелъ!

И вотъ растворятся желѣзныя ворота и, какъ саранча, выступитъ войско, и тяжело тогда будетъ землѣ.

И скажетъ братъ братьямъ.

— Слышите, братья, послушайте меня, зачѣмъ намъ губить людей нашихъ, вѣрнѣе намъ, царямъ, сразиться другъ съ другомъ, и кто осилитъ, тому и быть царемъ всего свѣта.

Братья одобрили царское слово.

Передъ войсками на коняхъ сѣхались братья, ударили мечомъ и бились сильно, и пали всѣ трое мертвы.

Видя смерть царей-братьевъ, замѣшались люди, отчаяніе напало на нихъ, и ни одно войско не захотѣло уступить другому.

— Цари наши пали, пускай же падемъ и мы за нихъ.

И станут биться. И будетъ крикъ, голка, съчь — такая война, какой не бывало отъ начала міра и не будетъ. Отъ людского крика, страха, трубъ и стрѣльбы, отъ конскаго бѣга, пороху, гула и дыма свѣтъ померкнетъ и земля потрясется.

И падутъ всѣ три войска мертвы, и ни одинъ отъ нихъ не останется живъ. Будетъ безъ числа труповъ, кровь потечетъ, какъ рѣки. Въ крови потонутъ кони. Трупы съ кровью поплывутъ въ море. На версты и версты замѣшается море съ кровью.

Горе тогда оставшимся на землѣ людямъ, — не будетъ дома безъ вдовы, будутъ семь женъ искать одного мужа и не найдутъ.

И вотъ, въ то злое время, почуявъ бѣду земную, набѣгутъ изъ-за горъ одноглазые незнаемы люди и возьмутъ подъ свою власть землю, разрушатъ храмы, поработятъ живущихъ, и сядетъ въ Царьградѣ вождь ихъ — Сатурнинъ безбожный править землею и мучить въ тяжелой работѣ.

Какъ подбитые звѣри, восплачутся люди, не словами, горькимъ сердцемъ взмолятся къ Богу въ неизбывномъ горѣ.

1917 г.

ДѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ

Стоятъ и вопіють люди, видя паденіе могучаго города, и сѣтують горько, видя гибель его, и напрасно озираются, не найдутъ ли его на иномъ мѣстѣ такимъ же цвѣтушимъ и крѣпкимъ.

Что вы плачете, что стенаете, люди неразумные?

Могучъ былъ Вавилонъ, богаты и горды цари его, и, казалось, вѣку не будетъ его пышной жизни. Сильнѣе всѣхъ была Ниневія... Гдѣ они? Гдѣ Уръ халдейскій, гдѣ Ширпура? Знаютъ о нихъ летучіе пески пустыни, да степные орлы.

Все, что руками человѣческими построено, руками же человѣческими и будетъ разрушено. Таковы дѣла человѣческія. Гибель и тлѣнъ — удѣлъ ихъ.

Перестаньте плакать! Ничего! Не скорбите, не сѣуйте!

Пока бьется сердце и горитъ въ васъ желаніе — живъ духъ въ душѣ, не престанетъ жизнь. Новый городъ вы построете, и будетъ онъ краше и поваднѣе всѣхъ городовъ, новый городъ, окликанный.

1915 г.

ПОСЛѢДНІЙ ЦАРЬ

Послѣ тяжкихъ годовъ неволи наступятъ добрыя лѣта, радостныя и тихія, — пошлетъ Богъ царя на землю.

Божьимъ повелѣніемъ отъ востока придетъ на землю послѣдній царь Михаилъ. Разбѣгутся, разсѣются за горы передъ лицомъ царевымъ лихіе люди въ мѣста пустыя.

Сядетъ царь Михаилъ въ Іерусалимъ и будетъ царствовать на землѣ тридцать лѣтъ, самодержецъ, царь всей подсолнечной.

Богобожный и кроткій, утвердитъ царь правую вѣру, отъ моря и до моря на всѣ четыре стороны свѣта понастроить церквей Божьихъ. И въ тихіе годы умирится земля и откроется сердце человѣческое другъ для друга, перекуютъ мечи на рало и плуги, отворятъ скрытыя сокровищницы: золото, серебро, жемчуга, драгоценные камни, — всѣ люди обогатятся, каждому будетъ всего вдоволь, и не будетъ завидящаго, ни просящаго, ни разбойниковъ, будетъ едино стадо и единъ пастырь.

Такъ минеть двѣнадцать кроткихъ лѣтъ царства царя Михаила, и въ тринадцатый годъ повелѣніемъ Божимъ придетъ на землю Антихристь.

Онъ родится въ Капернаумъ, первые годы проведеть въ Зипъ, первую власть получить въ Виесаидѣ.

„Горе тебѣ, Капернаумъ, горе тебѣ, Зипъ, горе тебѣ, Хоразанъ, до облакъ вознесешься и падешь до ада“!

Онъ придетъ послужить къ царю Михаилу: царь его знать будетъ, и онъ будетъ знать царя. И сдѣлаеть его царь Михаилъ своимъ старшимъ слугою.

Несказанно прекрасный въ золотой ризѣ, блещущей лучами, какъ солнце, будетъ онъ всѣми любимъ и отъ всякаго будетъ почеть ему и желаніе, и никто не узнаеть, что онъ есть сынъ погибели — Антихристь.

И когда подойдутъ къ концу дни и лѣта и времена царству царя Михаила, измѣнится слуга его первый, и начнетъ ходить по своей волѣ, знаменуя дѣломъ своимъ грядущее безпощадное царство. И точно взбѣсятся люди, канеть чистота и правда, и вѣра въ міръ, и снова сердце человѣческое глухо замкнется. Будеть царь Михаилъ совѣститъ народъ свой, остерегать, поминая гнѣвъ Божій, но совѣсти не станеть въ людяхъ, царя перестануть слушать, и не поймутъ простыхъ его словъ.

Такъ исполнятся тридцать лѣтъ, и придетъ послѣдній день царства послѣдняго царя. И въ свой послѣдній день собереть царь Махаилъ своихъ вѣрныхъ, взойдетъ съ ними на гору Голгоѳу и, ставъ тамъ на мѣстѣ крестномъ, начнетъ со слезами упрашивать вѣрныхъ до конца стоять крѣпко въ вѣрѣ, не поддаваться, не слушать врага, и, поминая грядущую кару и гнѣвъ Божій, возвѣститъ имъ кончину свѣта.

Обернувшись на востокъ солнца, начнетъ царь послѣднюю свою молитву и будетъ горячо молиться о всемъ мірѣ, за всѣхъ людей, и будетъ горячо молиться кровавыми слезами, да змилуется Господь, утвердитъ и укрѣпитъ міръ въ правой вѣрѣ, въ единомысліи.

И, вставъ отъ молитвы, царь воздѣнетъ трикраты руки свои горѣ, — и вотъ снидетъ къ нему съ неба крестъ Христовъ и станетъ передъ нимъ.

Тогда сниметъ съ себя царь корону и вѣнецъ златой царскій, и положитъ на крестъ, и, павъ передъ нимъ, трикраты поклонится и поцѣлуетъ крестъ. И пойдетъ крестъ Христовъ съ короной и съ золотымъ царскимъ вѣнцомъ на небо къ Богу.

И ужаснутся люди, видя, какъ пойдетъ крестъ Христовъ съ короной и со златымъ царскимъ вѣнцомъ на небо къ Богу.

Царь Михаилъ снова обратится къ вѣрнымъ своимъ, до земли имъ поклонится, и, со сле-

зами совершивъ послѣднее прощеніе, обернется на востокъ солнца, трикраты поклонится и воздѣнетъ руки свои къ Богу, предавая духъ свой въ руки Божія.

И невидимая сила восхититъ его отъ очей людскихъ и вознесетъ туда, откуда по повелѣнію Бога пришелъ онъ на землю.

Такъ кончится царство кроткаго послѣдняго царя, самодержца, царя всей подсолнечной.

О, какъ горько восплачутся вѣрные, и, охватившись другъ съ другомъ, горько зарыдають :

— Горе намъ! Горе! Было у насъ полуденное солнце ясное, свѣтило тридцать лѣтъ, и вотъ мракъ и тоска. Горе! Горе! Съ чего начнемъ и какъ теперь жить?

Отъ моря и до моря, пожаромъ охватывая землю, какъ молонья, станетъ беспощадная власть антихристова, и наступитъ третья бѣда, — горчайшее горе и послѣднее.

1914 г.

ЦАРСТВО АНГЕЛОВЪ

Есть въ Божьемъ мѣрѣ пресвѣтлый рай — пречистое царство ангеловъ.

Весь озаренъ свѣтомъ Божиимъ стоитъ градъ избранныхъ.

А стражъ его — великій ангель: какъ свѣтъ, одежда свѣтлая и распростерты бѣлыя крылья, копье въ рукахъ.

Тамъ съ праведными сирины вкушаютъ золотыя яблоки, поютъ пѣсни пѣсневныя, утѣшая святыхъ угодниковъ.

Тамъ ни печали, ни воздыханія.

Тамъ жизнь безконечная.

Дологъ трудень путь протягливый до рая пресвѣтлаго.

Много было великихъ подвижниковъ, много спасалось смиренныхъ отшельниковъ и благочестивыхъ пустынниковъ, много было званыхъ на пиръ въ пресвѣтлый рай, и не увидѣли они свѣта Божія, неизбранные, не дошли они до рубежнаго камня, гдѣ сторожитъ великій ан-

гель: какъ свѣтъ, одежда свѣтлая и распротерты бѣлыя крылья, копые въ рукахъ.

Кому же открыты врата райскія?
И кто избранный изъ позванныхъ?

Чистое сердце кипенное, творящее волю
Божию, — отъ Бога избрано,

— сердце, въ тугѣ измаявшееся, -- отъ Бога
избрано,

— сердце раненое — отъ Бога избрано,

— сердце открытое къ людской бѣдѣ и горестямъ — отъ Бога избрано,

— сердце обрадованное, благословящее, —
отъ Бога избрано,

— сердце униженное — отъ Бога избрано,

-- сердце, отъ обиды изнывшее, — отъ Бога
избрано,

— сердце, пламенное правды ради, — отъ
Бога избрано,

— сердце, измучившееся о неправдѣ нашей,
— отъ Бога избрано,

— сердце кроткое — отъ Бога избрано,

— сердце, готовое принять и послѣдній грѣхъ
ради свѣта Божьяго, ради чистоты на семь
жестокомъ свѣтъ на трудной землѣ — отъ
Бога избрано,

— сердце великое Матери Свѣта, восхотѣв-
шей съ нами мыкаться, съ нами горевать и му-

читься, съ нами, послѣдними, съ нами, обреченными, — вотъ сердце отъ Бога избранное, вотъ кому открыты врата райскія.

1915 г.

НА ЗЕМЛѢ МИРѢ

Зорко старцу Амуну на его дикой недоступной скалѣ.

Кто его видитъ? Кто его слышитъ? Тамъ, гдѣ когда-то гнѣздилися пещерный орель, пещера старца.

А видитъ его только небо, только солнце, только звѣзды — пробѣжить вѣтеръ, шелестя горько, и другой, черный, что подымаетъ бѣду, вѣстникъ напасти, шуршитъ, кукуетъ и дальше — — и третій весенній, осыпая пещеру бѣлоалымъ цвѣтомъ, какъ его братъ бѣлый, пороша снѣгомъ, поетъ безумныя пѣсни.

Да еще видятъ его дикіе звѣри: по ночамъ приходятъ звѣри къ пещерѣ и старецъ ихъ поить.

Зорко старцу Амуну и ясно.

Обрѣзано сердце его.

Его подвигъ великъ и труды неподъемны: подъ дождемъ и вѣтромъ, рѣзче вѣтра и хлестче дождя его терновый бичъ.

Трижды въ годъ опускаетъ старецъ глаза въ долину на тѣ трубы и башни, на черепицу — на дымящійся, съ синей адовой пастью въ темныя ночи, тѣсный городъ, что повисъ надъ моремъ.

И трижды въ годъ осѣняетъ старецъ крестомъ городъ и море.

Море плещется, размываетъ скалу.

И съ гудомъ и гуломъ волнь — звонъ долины.

На звонъ выходитъ старецъ изъ пещеры на молитву.

Небо надъ нимъ и звѣзды.

Никто не помнитъ, когда взошелъ онъ на гору и поселился въ дикой пустынь.

Разъ въ году съ дарами крестной тропой подымается старикъ священникъ приобщать старца. И въ сумеркахъ вечера, когда спускается старикъ назадъ въ долину, видно съ горы сіяніе чаши — бѣлый небесный свѣтъ.

Зорко старцу Амуну и ясно.

Обрѣзано сердце его и уши отверсты.

*

Въ который часъ, въ какую напасть вотъ верницей, какъ упорный змѣй, тянутся на гору жены, дѣти и старики. Кусками и кольцами ползуть по острымъ камнямъ, о камни — на колѣняхъ, глаза туда и руки простерты — —

— Помолись за нашихъ мужей и сыновъ,

они пошли на войну. Жестокій Антиохъ объявилъ нашему королю Аспиду войну. Помогите одолѣть врага. Дай Боже вернуться имъ цѣлымъ! Помолись! Попроси!

Выглянулъ старецъ:

— Горемыки! Не могу я молиться за проливающихъ кровь.

И скрылся въ пещерѣ.

И крестная тропа, какъ отъ снѣга подъ вешнимъ солнцемъ, шумно опросталась отъ горемычныхъ.

Сердце ходило.

Проклятiя вышептывали поблекшія осиротѣлыя губы и другія запекшіяся, какъ земля подъ зноемъ.

— Жестокій, онъ не любилъ никого.

— Черствое сердце, оно не рвалось отъ тоски.

— Забылъ онъ отца и мать! Намъ ничего не надо, не для себя и живемъ, только бы сына намъ сохранить! Заглохло его сердце.

— О, если бы зналъ онъ дни и ночи, память мою! Не милъ мнѣ свѣтъ и звѣздная ночь постыла. Тоска выѣла сердце. Глаза мои гаснутъ отъ слезъ.

— Лицемѣръ! Поить звѣрей, а мы?

— Нѣтъ, онъ никого не любилъ, не думалъ ни о комъ, мертвецъ проклятый!

Проклятiе и жалоба, какъ море въ погоду, взывало и взвивалось по опустѣлой долинѣ.

— изъ городскихъ воротъ выходили вооруженные мужи и юноши, покидая стариковъ и семью.

Да, какое это рѣзкое слово открытому сердцу, въ страхъ и тревогъ за близкихъ, оно какъ сухой песокъ въ просящіе глаза.

Или и вправду старецъ забылъ отца и мать?

Или, не любя никого, его сердце, какъ окаменѣвшая въ морѣ нѣжная когда-то вѣтвь.

Такъ выговаривало сердце и слѣпло отъ горя.

Вооруженные мужи и юноши, покидая стариковъ и отрываясь отъ любимой семьи, шли умирать за короля и землю — не пощадить жестокой Антиохъ родную ихъ землю.

И кричало сердце ожесточаясь:

— Какъ? Проливающіе кровь? Кто же насъ защититъ? И нѣтъ молитвы за нихъ? Путь къ Богу закрыть? Видитъ Богъ, проклинаю я часъ, въ который зачала меня мать, проклинаю день, въ который увидѣла бѣлый свѣтъ, проклинаю звѣзды и ночь моей первой любви, не надо мнѣ жизни! Мужа верни мнѣ!

Желѣзная крыша повисла надъ долиной — городомъ, выбрасывающимъ въ небо изъ своихъ красныхъ трубъ сине-адово пламя, и, какъ отбитыя, опускались руки.

— Мертвецъ проклятый!

II

Нѣтъ, жива душа у старца Амуна.

И сердце его не было глухо: онъ прозрѣвалъ свѣтъ небесный, слышалъ плачь сердца человѣческаго, и вопль звѣриный не былъ закрытъ отъ него.

Одни живутъ, какъ звѣри, имѣя только шкуру, мясо, кости, кишки. Другіе мнутся и чають. Третьи предстоятъ Богу.

Старець, идя по пути чистоты и духа, отрѣшившись отъ страстей — ими движется жестокая жизнь наша! — и освободившись отъ гнета хотѣнія и воли, творя волю Божию, пилъ чашу живой воды и были руки его чисты и чистое сердце мудро.

Люди, живущіе звѣринымъ обычаемъ, а такихъ полміра, люди съ душой закрытой проходятъ кровавый кругъ жизни и пролітіе крови для нихъ законъ. Но въ царствѣ духа кровь безвластна.

Нѣтъ, не могъ старецъ молиться за проливающихъ кровь.

И зналъ онъ то, что было скрыто отъ нашихъ смертныхъ глазъ: онъ прозрѣвалъ судьбы міра, судьбу человѣческую, обрекавшую человека и даже цѣлый народъ по его дѣламъ прошлымъ на жизнь либо смерть.

И о своемъ народѣ зналъ онъ правду.

И прозрѣвая судьбы міра и провидя судьбу

въ глазахъ приходящихъ къ нему, какъ далеку онъ былъ отъ мысли, что онъ выше другихъ, и знаетъ и дано ему больше. Онъ совсѣмъ не полагался на себя и въ душѣ его не рождалась безпечность.

Съ бодростью вставалъ онъ отъ сна, прилежно стоялъ на молитвѣ и много трудился.

И за долгій свой подвигъ онъ достигъ почти безтѣлесной жизни, все желаніе свое устремивъ къ Богу въ ожиданіи часа, когда воззванъ будетъ отъ міра сего на отдыхъ отъ муки жизни.

Труды, молитва и созерцаніе — такъ проводилъ старецъ свои дни.

И тѣло его не слабѣло, душа не теряла бодрости, и свободный духъ его раскрывался.

Божимъ свѣтомъ озарена была его душа.

Отпустивъ пришедшихъ къ нему на гору съ мольбой горемычной, сталъ онъ на молитву и всю ночь молился о чающей твари.

III

По немаломъ времени опять приходятъ на гору скорбные.

Лица ихъ не видно — одни испуганные и воспаленные глаза: глаза устремлены къ пещерѣ.

И сквозь стонъ едва слышенъ голосъ.

Вышелъ изъ пещеры старецъ.

— Отецъ! — и руки тянутся къ послѣдней защитѣ, — война разгорается. Наши мужья и отцы ушли. Ихъ призвалъ король противъ Псаммiя. Жестокiй полководецъ Псаммiй присталъ къ Антиоху. Мы воюемъ со многими властителями. Кровь заливаеъ наши поля.

И скорбные не хотятъ уходить, моля о пощадѣ и о побѣдѣ надъ врагомъ.

А тамъ на поляхъ, обагряемыхъ кровью, рядомъ съ воинами Аспида умирали воины Антиоха и Псаммiя.

И въ Сириi стeнали, какъ въ Александриi.

Матери говорили :

„Намъ ничего не надо, не для себя и живемъ мы, намъ только бы сохранить нашего сына!“

Отцы съ горестью вспоминали свои надежды, больше не вѣря въ возвращенiе сыновей.

Жены рвали на себѣ волосы въ тоскѣ по мужьямъ.

И какъ въ Александриi, такъ и въ Сириi, слово въ слово одна подымалась къ небу молитва о пощадѣ и о побѣдѣ надъ врагомъ.

А небо было одно.

И сердце человѣческое одно — и горюющее и стeнящее.

И этого не видѣли и никакъ не могли понять люди, живя звѣринымъ обычаемъ своимъ во власти крови.

Старець ничего не сказалъ и скрылся въ пещерѣ.

И возстонала гора.

Скорбны, не проклиная — всѣ слова давно перегорѣли въ горечи напрасныхъ ожиданій и думъ безпокойныхъ — поползли убито со скалы въ долину въ пустые дома оплакивать злую долю.

— Нѣтъ, безбожное творится въ мѣрѣ, гнѣвъ старецъ!

А старецъ сталъ на молитву и всю ночь молился за своихъ братьевъ, достигшихъ свободы духа.

IV

Люди приходятъ въ мѣръ не по желанію своему и душа ихъ несетъ въ себѣ ту мѣру силъ, какая досталась имъ отъ прошлой ихъ жизни. И участь cadaго по дѣламъ его.

У однихъ кожанный покровъ покрываетъ душу. Ихъ глаза устремлены въ землю, — кожа, мясо, кости, кишки — и обычай ихъ жизни звѣриный. И такихъ больше полміра.

Другіе — они еще не узрѣли неба, имъ оно грезится въ снахъ — окликанные. И душа ихъ, странница, нѣжна, какъ цвѣтъ.

И третьи — сыны духа. Имъ отверсто небо.

Рожденные въ кожаной одеждѣ не могутъ стать чающими.

И чающимъ никогда въ явь не откроется небо.

Но трудами и жертвою каждый можетъ дойти до своей грани: и восплакавшіе звѣри возстанутъ къ новой жизни чающими, и чающіе — сынами духа.

Сыны же духа раскрываются въ мѣру своего подвига.

Старецъ Амунь родился, какъ и всѣ рождаются, отъ матери.

— не оскорбляйте женъ,
берегите нашу землю-мать! —

И избранный среди позванныхъ еще въ юности услышалъ онъ въ своемъ сердцѣ голосъ.

Онъ росъ и учился, какъ его сверстники, и родители его гадали о его будущемъ, желая ему чести, славы и покоя.

А голосъ, звучавшій въ сердцѣ, не сулилъ ему никакого покоя: все, къ чему стремится душа въ звѣриномъ обычаѣ живущихъ — богатство, власть, слава, все это отвращало его душу.

И затосковалъ онъ по какой-то другой жизни, не этой съ богатствомъ, властью и славой. И рѣшилъ по голосу сердца. Оставилъ онъ домъ, пошелъ искать свою родину.

И такъ скитаясь по свѣту и терпя большую нужду и скорби, онъ пришелъ въ пустыню, и

привела его тропа къ пещерѣ египетскаго подвижника-духоносца

— не гоните странныхъ,
берегите большихъ братьевъ своихъ! —

Въ пустынь онъ и остался.

Онъ прошелъ долгій искусь подь началомъ своего учителя и, укрѣпивъ духъ свой, взошелъ на дикую гору и поселился одинъ въ пещерѣ, чтобы испытать искушеніе отъ демоновъ.

И живя въ борьбѣ съ демонами, онъ покорилъ ихъ.

И дана ему была власть, какъ надъ низшими, такъ и надъ начальными, ибо былъ онъ высокъ въ вѣрѣ и смирененъ сердцемъ.

V

Въ Намосѣ жизнь замирала.

Война все разстроила: и хозяйство и самый строй жизни. Не хватало работниковъ — война требовала живой силы и вотъ людей искусныхъ отрывали отъ ихъ прямого полезнаго дѣла и угоняли на охоту за челоуѣкомъ — не стало кому и пахать, не было и лучниковъ, и шакалы, не стѣняясь, подступали къ самому городу.

Тамъ на поляхъ, обгаляемыхъ кровью, умирали отъ ранъ и заразы, а тутъ за стѣною — и жрать нечего и одѣться не во что — голодная, холодная смерть.

Въ Петровки подошли кочевники къ городской стѣнѣ и примкнули шатры свои къ лачугамъ пригорода, и некому было отогнать ихъ. А на Ильинъ день пришли посланные отъ короля Аспида и забрали дѣдовъ и отроковъ, способныхъ наляцать лукъ, а за одно прихватили и здоровыхъ кочевниковъ.

Вой и проклятiя дикихъ разрывали душу.

И въ городѣ остались теперь лишь немощные да слабые.

Все, что можно, все повыбрали, и двухъ послѣднихъ поповъ увели съ собой посланные короля.

Остался Евагрій, старикъ разбитый ногами, давно жившій на покоѣ, къ нему и приступили скорбные.

— Погодите, то ли еще будетъ, — сказала Евагрій, — придуть нечестивые воины Антиоха и истребятъ всякую тварь и настанетъ конецъ.

И былъ глухой плачь, какъ собачій вой.

А изъ плача, какъ изъ колодца, вопль:

— Спросите старца Амуна, долго ли намъ терпѣть такую муку?

Но Евагрій отвѣчалъ:

— Старецъ пребываетъ въ святости во всѣ дни, не будетъ онъ разбирать проклятыя наши дѣла.

Извѣстiя одно другого страшнѣе приходили съ войны.

Говорили, что королевское войско погибло у песчаной скалы, а другіе, будто въ болотѣ. Говорили также, что сами въ плѣнъ сдались, а кто уперся, все равно не сдобровать, всѣ погибнуть.

А тутъ увидѣли ополченіе дикихъ стрѣлковъ: шли они по улицамъ съ дубинами и луками, шли на помощь королевскому войску. Они никого не обидѣли, только попросили горсть финиковъ на обѣдъ. Но внезапность появленія ихъ и дикій обликъ ужаснули.

— Спросите у старца! — просили тѣ, кто ужъ больше не могъ подняться.

По ночамъ среди блѣдныхъ Спасовыхъ тумановъ какія-то птицы шарахали о землю крыломъ. И вдругъ подымались вихри и сносили верхи башенъ и кресты церквей. Являлись два мѣсяца. Показались три солнца.

— Спросите у старца! — просили обреченные въ свои послѣднія минуты.

И вотъ вереницей по крестнымъ камнямъ поползли на колѣняхъ жены и доживающіе останные дни старики, и лица ихъ были — темъ и зелень, а глаза, какъ отцвѣтшій цвѣтъ.

— О мирѣ! О мирѣ! — шептали они, какъ тѣни.

И шопоть ихъ сливался въ скребъ.

— Не могу я молить о мирѣ, — сказала старецъ, — ибо взявшій мечъ, мечомъ и погибнетъ.

— О мирѣ! О мирѣ! ради малютокъ, не
обагрившихъ кровью рукъ.

— О мирѣ! О мирѣ! ради полей, обагряемыхъ
кровью.

И шопоть сливался въ скребъ.

— Нѣтъ, — сказалъ старецъ, — но и до
седьмого колѣна отмщается грѣхъ.

VI

Когда удалились скорбные, раздумался старецъ: дѣти, не обагрившія рукъ и поля, обагряемая кровью, стали у него въ глазахъ.

Живыя, измученныя — голодныя дѣти со своимъ плачемъ ужаснымъ и словами не нашими, поля, гдѣ погибали затоптанные цвѣты, — вошли въ его душу.

И скребъ отъ стона и плача стоялъ въ ушахъ.

И онъ не могъ побѣдить жалости и отвлечь умъ свой, чтобы съ чистымъ сердцемъ приступить съ молитвою къ Богу.

И вдругъ въ теми пещерной явился свѣтильникъ и яркимъ свѣтомъ озарилъ пещеру. И старецъ увидѣлъ себя, провель по щекъ, мокрой отъ слезъ, и тоска залила его душу.

Онъ сидѣлъ, согнувшись надъ начатой плетушкой. И какой ненужной показалась ему вся его работа.

Ненужныя валялись на землѣ прутья.

И уныніе впилося въ его душу.

И умъ выговорилъ всѣми словами ясно о ненужности труда его жизни.

Онъ сидѣлъ, опустившійся весь, немощный. И вѣки, истомленные слезами и свѣтомъ, тяжельѣли.

И на минуту онъ забылся.

И вдругъ какъ отъ сильнаго толчка весь вздрогнулъ. Открылъ глаза. И осѣнилъ себя крестомъ.

И тогда свѣтильникъ тотчасъ исчезъ.

И понялъ старецъ, что это дьяволь.

И, положивъ клятву, твердо вышелъ изъ пещеры.

*

Звѣздная ночь была — звѣзды большія крылили.

— Господи, прости міръ! — шепталь старецъ.

И, ступивъ на остріе камня, началъ онъ молитву, прося за міръ слѣпой и страждущій, за поля, обгадряемая кровью, за дѣтей, не обгравившихъ рукъ, за цвѣты полевые, за землю, за звѣрей, за камни.

— Господи, прости міръ!

И сердце его наливалось любовью, какъ полунощныя звѣзды свѣтомъ.

Звѣзды большія, разгораясь, крылили, вознося въ небеса молитву.

— Господи, прости міръ!

И вотъ на зарѣ солнца донесся до вершины звонъ.

Звонилъ Евагрій.

И понялъ старецъ, что исполнились сроки — чудомъ показалъ Богъ свою милость — и міръ прощень.

И увидѣлъ старецъ надъ моремъ: ликъ Его былъ, какъ лучъ, одежда, какъ снѣгъ, по бѣлому звѣзды, алая чаша на груди, въ рукѣ опущенный мечъ, закалающій звѣря, а изъ крови звѣря знакъ, а вокругъ, какъ змѣй, водныя волны.

И исполненный духа, воскликнулъ старецъ:
— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

И шелестомъ травъ донесся голосъ его въ долину.

И тѣ, кто бодрствовали, посмотрѣли на небо — небо было ясно.

И тѣ, кто спалъ, пробудились отъ сна, и свѣтъ наполнилъ ихъ душу.

Чего-то ждали, надѣялись.

Говорили о чудѣ: старикъ Евагрій, столько лѣтъ прожившій недвижимъ съ разбитыми ногами, теперь поднялся и ходилъ, какъ безумный, возвѣщая о мирѣ.

И вѣрили и боялись вѣрить.

А сердце играло.

Духъ занимался.

Собирались на площадяхъ, взбирались на холмы и смотрѣли туда — —

И глаза оживали, цвѣтились, какъ политые цвѣты.

*

Въ полдень, подымая пыль по дорогѣ, показались вѣстники короля: они несли желанную вѣсть.

И заглохшій Намось огласился пѣсней.

По зову Евагрія, всѣ, кто только могъ, пошли на скалу къ пещерѣ.

И крестный путь не былъ имъ труденъ: не рѣзали кемни, не колола колючка.

Легко подымались на гору, славословя подавателя свѣта и мира.

Пещера была раскрыта.

А у дверей пещеры на остриі камня стоялъ, какъ поддерживаемый крыльями, старецъ Амунъ.

И кровь ручейками бѣжала изъ его ногъ, уходя въ трудную землю —

Слава въ вышнихъ Богу
и на землѣ миръ.

1917 г.

1 V.

Святѣйшая великая Божія церковь Софія Премудрость	5
Имя и стражъ	8
Литеры пророчественныя	18
Лей Иконописецъ	24
Отрокъ Финогеновъ	31
Марія Египетская	39
Милый братецъ	46
Авраамъ	51
Царь Соломонъ	65
Аполлонъ Тирскій	91
Царь Аггей	143
Даръ рыси	152
Царица Майдона	158
Городъ обреченный	161
Три брата	164
Дѣла человѣческія	167
Послѣдній царь	169
Царство Ангеловъ	173
На землѣ миръ	176

